

§ 2. Прошлое края в трудах Статистического комитета

*«... Свет целый
Вам назовёт мои труды.
К статистике давно в душе питаю страсть я,
И геология внушает мне участие;
В журналах можете вы отыскать следы
Моих разборов, розысков...»*

*Е.П. Растопчина.
Возврат Чацкого в Москву.
1856 год.*

«Выдающаяся роль, которую сыграли хоббиты в великих событиях, приведших к включению Заселья в Воссоединенное Королевство, к концу Третьей Эпохи, пробудила в хоббитах живейший интерес к своей истории — множество преданий, существовавших до сих пор лишь в изустных вариантах, были наконец собраны воедино и записаны».

*Дж.Р.Р. Толкиен.
Заметки о засельских хрониках.*

В большинстве губерний и иных областей Российской империи единственной в позапрошлом столетии организацией, через которую от лица государства начали и продолжали осуществляться хоть какие-то меры по изучению и сбережению памятников старины, выступили и оставались вплоть до конца XIX века Губернские статистические комитеты (ГСК). Историко-археологическая, краеведческая деятельность у этих учреждений Министерства внутренних дел (МВД) была явно на втором плане по сравнению с именно статистикой, чрезвычайно разноплановой и дотошной в громоздкой, но исподволь модернизируемой империи, поэтому она лишь изредка привлекала внимание нынешних историографов. Источниковая база соответствующих публикаций и диссертаций поначалу ограничивалась отдельными регионами страны, очень разными по составу любителей старины, так что образец Курска вышел опять-таки весьма показательным для выработки обобщающих оценок состояния изучения и охраны исторических древностей в России на переломе от крепостничества к капитализму, когда деятельность этих комитетов получила наибольший размах¹.

¹ См.: Лунин Б.В. Из истории деятельности статистических комитетов Туркестанского края // Общественные науки в Узбекистане. Вып. 6. Ташкент, 1962;

Образование Губернских статистических комитетов приняло затяжной характер. И в пред-, и в пореформенной России основная масса статистических сведений, необходимых для практической работы администрации в центре и на местах, официально собиралась через аппарат Министерства внутренних дел (МВД). Ещё в 1811 году при нём открылось статистическое отделение. Как это нередко бывает с бюрократической машиной огромной империи, заработало оно далеко не сразу. После многолетних планирований и перепланирований, в 1834 году в составе этого же министерства, при его Совете, было, наконец, выделено специальное *Отделение статистики МВД* с конкретизированными, наконец, полномочиями и задачами. Оно обязывалось разрабатывать формы статистической отчётности для губерний, областей и краёв, а затем суммировать собираемые по таким формам данные. Так по закону от 20 декабря 1834 года начали создаваться статистические комитеты в губерниях. Первоначально, сколько можно судить по министерской переписке с местными властями по рассматриваемому поводу, они существовали только на бумаге. Хотя к 1850 году числились открытыми 54 комитета, в том числе курский, большинство из них до тех пор бездействовало. Потребность в мало-мальски дееспособной статистической службе у русского государства и общества созревала постепенно. Многие комитеты пришлось переоткрывать по два-три раза, поскольку в губернии просто забывали о существовании у них (на бумаге) такого учреждения. Курский комитет начал спорадически действовать, каждый раз после начальнических импульсов из столицы, в числе первых по стране, уже со второй половины 1830-х годов.

Комарова И.И. Научно-историческая деятельность статистических комитетов // Археографический ежегодник за 1986 год. М., 1987; *Бердинских В.А.* Губернские статистические комитеты и русская провинциальная историография 1860–1890-х годов. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Киров, 1994; *Его же.* Русская провинциальная историография второй половины XIX века. М. – Киров, 1995; *Селиванова Н.А.* Издательская деятельность северокавказских губернских и областных статистических комитетов. 1868–1917 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. н. Краснодар, 2003; *Захарова И.М.* Провинциальные статистические комитеты Северо-Запада России: из истории становления отечественной статистики. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005; *Старчикова Н.Е.* Историко-краеведческая деятельность губернских статистических комитетов России во второй четверти XIX – начале XX века: на примере Пензенской губернии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2004; *Первушкин В.И.* Губернские статистические комитеты и провинциальная историческая наука. Пенза, 2007; *Скопа В.А.* История развития статистики и статистических учреждений Томской губернии в 1835–1919 годах. Барнаул, 2009; *Игумнов Е.В.* Создание губернских и областных статистических комитетов в Сибири и их научная деятельность (1835–1917 гг.). СПб., 2010; *Лебедев С.В.* Астраханский губернский статистический комитет: опыт хозяйственной и научно-просветительской деятельности: 1836–1918 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2009; *Левин Ю.А., Дмитриева А.Н.* Орловская служба государственной статистики: страницы истории (1835–2010) / Под ред. *Т.П. Устиновой.* Орел, 2010.

Личный состав Губернских статистических комитетов в обязательном порядке заключал в себе чиновников — руководителей всех основных учреждений и общественных институтов губернского масштаба. А именно: предводителя дворянства, вице-губернатора, попечителя гимназий и прочих училищ, прокурора, инспектора врачебной управы, управляющего удельной конторы, члена духовной консистории (по назначению епархиального архиерея) и так далее по списку губернских чинов (сопоставим хотя бы перечень действующих лиц из «Ревизора» или даже «Мёртвых душ» Н.В. Гоголя). Председателем комитета по совместительству автоматически назначался начальник губернии (позднее именовавшийся губернатором).

В качестве членов комитета «по избранию» и «корреспондентов по его же выбору» привлекались лица из числа «постоянных жителей губернии, пользующихся общим уважением». То есть мало-мальски состоятельные и заведомо благонамеренные в отношении властей люди; главным образом здешние помещики и купцы попросвещённые и побогаче. С их помощью предполагалось собирать информацию в глубинке — по уездам и волостям, а также относительно специальных сюжетов, вроде тех же археологии или археографии. Кроме того, власти рассчитывали на денежные пожертвования состоятельных земляков на пользу учреждения, занятого изучением их родного края. Разночинная интеллигенция — учителя, врачи, техники и специалисты иного рода, начинающие чиновники проявили себя на поприще исторического краеведения, по крайней мере в Курске, гораздо позднее — в составе Губернской учёной архивной комиссии (с 1900-х годов). Этому учреждению суждено было унаследовать от губстаткомитетов функцию (и миссию) исторического краеведения в большинстве регионов уже предреволюционной России.

Как видно, перед нами гибридная в социально-политическом отношении институция — государственно-общественная. Советская и даже постсоветская историография не заметила в губстаткомитетах один из ростков гражданского общества в помаленьку, но неуклонно модернизируемой Российской империи. Хотя круг членов этих учреждений за почти сто лет их существования заметно расширился за счёт местной интеллигенции, они с начала до конца остались под плотным контролем государства. Зато подготовили почву, идейную и материальную (в виде помещений, коллекций древностей, печатных изданий, отдельных знатоков своего края), для почти независимых, собственно общественных и добровольных ассоциаций на ниве археологии — учёных архивных комиссий, церковно-археологических комитетов и тому подобных объединений любителей и знатоков отечественной старины в провинции.

Бюджет статистических комитетов на местах поначалу оставался мизерным. Из губернских смет выделялась символическая сумма на канцелярские принадлежности и оплату одного, двух писцов. Сами члены комитета должны были трудиться в нём безвозмездно. Так что

новорождённое учреждение изначально носило вполне филантропический характер, хотя и рассматривалось как прямое продолжение государственной службы на местах. Только с 1853 года пособие увеличили до 100 рублей² ежегодно и установили платную (из указанной суммы) должность секретаря комитета. Её обычно совмещал кто-то из чинов губернского центра со своей основной работой. В большинстве случаев секретарями статкомитетов служили чиновники для особых поручений при губернаторах, редакторы «Губернских ведомостей» или же инспекторы учебных округов. Периодические перемещения по вверенной им территории облегчали этого рода чиновникам сбор и проверку статистической информации. А заодно они получали возможность наблюдать за разного рода памятниками старины, объектами архитектуры и природными урочищами, описывать их *de visu*. Тем самым статистическое дело в провинции, а заодно и организацию региональной истории и археологии удалось сдвинуть с мёртвой точки.

Компетенция статистического комитета явно противоречила его материальным и кадровым возможностям. Ведь круг поставленных перед новым учреждением задач определили довольно широко и продолжали расширять с годами. Согласно инструкции министра внутренних дел за 1852 год основные функции статистической службы выглядели следующим образом: «... Собирать и содержать всегда в исправности числовые данные: а) о населении губерний, областей, уездов, городов, посадов, местечек и пр. [населённых пунктов — С.Щ.], с распределением жителей по полам, сословиям, вероисповеданиям, расселению и степени водворения и о движении народонаселения; б) о пространстве и распределении земель, о числе поселений ...; в) о составе губернского управления ...; г) о состоянии губернского хозяйства — поступлении податей и разных сборов ...; д) о числе и состоянии имений...; е) о числе и родах преступлений ...; ж) о посевах и урожаях хлеба, трав и проч. ...; з) о числе и размещении торговых капиталов ...; и) о числе заводов, фабрик и мастерских, распределении и положении рабочих»³.

По этим и многим другим рубрикам исходные сведения доставлялись для сводной обработки в виде 77 таблиц в Петербург губернскими и областными⁴ статкомитетами ежегодно. Чиновники — действительные члены комитетов готовили цифровые данные по своим отраслям управления на подведомственной территории. По остальным разделам местной статистики данные запрашивались в официальном порядке через городского

² Со второй половины века курс (покупательский «вес») рубля сократился, по моим прикидкам, раз в 500.

³ Юбилейный сборник Центрального Статистического комитета Министерства внутренних дел. 1863–1913. СПб., 1913. С. 6.

Подробнее см.: История российской государственной статистики: 1811–2011 / Ред. А.Л. Кевеш и др. М., 2013. 143 с.

⁴ Области войска Донского и тому подобных экстерриториальных образований.

голову, а также полицию, ведавшую волостными старшинами, и духовную консисторию, правившую приходскими священниками. Все собранные сведения объединялись в «Обзор» — обязательное приложение ко «всеподданнейшему отчёту» губернатора в столицу за каждый год. Получавшиеся в итоге многие тысячи статистических сводок, как правило, реалистичных, превратились со временем в важный источник исторических знаний о России. Расцветшая позднее земская статистика удачно дополнила государственную, но не отменила и не заменила её.

Первые краеведческие мероприятия Курского губстаткомитета относятся к уже затрагивавшемуся мной выше, в предыдущей главе — географическому направлению и периоду становления отечественной истории и археологии. На его финальном отрезке к внутренним стимулам для занятий разными древностями (учёная любознательность), добавились внешние (придворные и провинциальные чиновники подстраивались под одну из претензий сурового императора Николая I — выказать себя радетелем русской старины).

*М.Н. Муравьев-Виленский (1796–1866) —
военный и гражданский губернатор Курска в 1835–1839 годах.
Репродукция портрета из Википедии.*

Так, ещё в 1836 году курский губернатор Михаил Николаевич Муравьев ⁵ обратился с посланием к руководителю местного духовенства

⁵ По его собственному разъяснению, не из тех Муравьевых, которых вешают — как его родственника, декабриста С.И. Муравьева-Апостола, а из тех, которые вешают. Вошёл в историю под таким прозвищем — «Вешатель» или «Палач». В Курске он, конечно, в

архиепископу Курскому и Белгородскому Илиодору, где речь шла о помощи для «возможно полного историко-географическо-статистического описания Курской губернии». С одной стороны, официального главу статистического комитета интересовала наличная численность священнослужителей и монашествующих, величина их собственности и годовых доходов, тому подобные цифровые данные. А с другой — исторические описания церквей и монастырей, хранящиеся при них летописи и прочие старинные документы, а также «местные исторические народные предания с подробным описанием мест, о которых предания сохранились, ... особенно мест сражений и остатков или признаков городов, давно запустевших...». Предлагалось ещё составить биографии «знаменитых духовных лиц, как уроженцев Курской губернии, так равно ознаменовавших какими-либо отличными делами пастырство своё в этой губернии».

*Архиепископ курский и белгородский Илиодор (Иван Борисович Чистяков) (1794–1861).
Литография из фондов РГИА. 1860-е годы.
Электронная версия «Православной энциклопедии».*

К письму прилагалась пространная, на 19 вопросов анкета под заглавием: «Историко-статистическое описание такой-то церкви или обители». В её составе кроме собственно демографических и экономических пунктов содержались вопросы историко-краеведческого толка. Как например: о времени и обстоятельствах основания храма, понесённом им в

отличие от усмирявшейся им Польши, не вешал в прямом смысле, но достаточно жёстко подавлял чиновничью коррупцию.

прошлом ущербе от неприятелей, о посещении его знаменитыми лицами, наличии редких икон, колоколов и других предметов церковной утвари «отличной живописи, особенной древности ..., с возможно подробным историческим пояснением оных и описанием их самих»⁶.

Современное переиздание РЛЦ всегда в продаже.

Мне не удалось отыскать возможных результатов этого запроса в фондах курского архива и в печатных источниках той поры. Хотя этот самый Илиодор был учёным священнослужителем, одно время — профессором церковной истории Костромской духовной семинарии. С 1832 года он почти тридцать лет возглавлял Курско-Белгородскую епархию — срок уникальный для синодального периода РПЦ. Тем не менее по запросу губернатора тогда ничего не удалось сделать. Прямые ответы на запрос о церковных древностях в Курске дали лет тридцать спустя. Видимо, у епископа не нашлось способных к историческим разысканиям подчинённых, а внутриепархиальных дел было невпроворот, чтобы ещё отзываться на светские поручения. Однако для развития провинциальной культуры и особенно любительской историографии немаловажно заметить по крайней мер появление историко-краеведческих проблем в поле зрения губернского начальства. Судя по всему, губернатор ещё не мог рассчитывать на другие

⁶ ГАКО. Ф. 20. Оп. 3. Д. 1636. Л. 1–2.

источники краеведческой информации, кроме мало-мальски образованного и располагавшего свободным временем духовенства. В губернаторском письме к епископу выражалось мнение, «что священников не затруднит подобное занятие, потому как, с одной стороны, они принадлежат к просвещённейшему сословию, а с другой, живя постоянно на одних местах, без сомнения знают наилучшим образом их окружающее», как в настоящем, так и в прошлом, сколько-нибудь для них обозримом. Отрицательный результат запроса продемонстрировал, что духовенство-то было не слишком просвещённым, да и денежное содержание церковного причта на местах оставляло желать лучшего.

На примере этой краеведческой инициативы губернатора М.Н. Муравьёва можно лишний раз увидеть роль политической идеологии в отношении государства к историческим древностям. Когда этот же рьяный администратор в дальнейшем замирял после восстания 1863 года Царство Польское, он, среди прочих мер по искоренению «антирусского духа», закрыл Виленский музей древностей и Археологическую комиссию при нём⁷. Под флагом национальной старины на окраинах империи нередко вызревала политическая оппозиция имперскому режиму. Курская, как и вся центрально-российская археология в глазах властей подтверждала идею единства Российской империи, а польско-литовская же спорила с ней. Для практического приложения исторических знаний такую разницу следует признать закономерной.

В 1837 году Курский губстаткомитет повторно обратился в Курско-Белгородскую епархию — на сей раз насчёт вещей, грамот и других бумаг, как-то относящихся «ко в бозе почившим российским самодержцам и их вельможам», а заодно и прочих предметов, своей «древностью и редкостью достойных примечания»⁸. Описания и, по возможности, изображения, копии таких памятников старины требовалось представить губернатору. Судя по тому, что полученные благодаря данному запросу материалы полностью, в оригинале сохранились в делах этого комитета, а не были отправлены в МВД, мероприятие это являлось, скорее всего, местной инициативой, желанием губернатора лишний раз при удобном случае отличиться при дворе таким патриотическим шагом. От этого заказа курская епархия уже не смогла отвертеться, и кое-какие сведения по нему были собраны (см. чуть ниже).

В дальнейшем комитет неоднократно пытался привлечь к сотрудничеству губернское духовенство. Однако деятели церкви соглашались заниматься прошлым только по своей части — храмово-приходской, что и было гораздо реалистичнее с учётом их уровня гуманитарной образованности. Им действительно удалось подготовить несколько «исторических описаний» важнейших православных святынь края,

⁷ См.: *Алексеев Л.В.* Судьба Виленского музея древностей // Вопросы истории. 1993. № 4.

⁸ ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

где ценные для исторической науки сведения за XVIII–XIX столетия сочетались с примитивными легендами явно книжно-фольклорного происхождения. Попытки же составить сводное «*Церковно-историческое и статистическое описание Курской епархии*»⁹ тянулись с 1838-го по 1865 год. Проверка архивов церквей и монастырей губернии обнаружила манускрипты XVII–XVIII веков. Однако члены специального комитета епархиальных историографов затруднились читать их — древнерусской палеографии и текстологии их в духовных семинариях и академиях не обучали.

*Евгений, архиепископ псковский, лифляндский и курляндский;
митрополит киевский и галицкий —
в миру Евфимий Алексеевич Болховитинов (1767, Воронеж — 1837, Киев).
Прижизненная литография из фондов РТМА.*

Наконец, учитель Курской семинарии¹⁰ Матвей Васильевич Архангельский (умер в 1860 году) составил «Записку» — вариант такого описания на требовавшуюся его начальству тему. Её переслали на усмотрение всесильного обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода графа Александра Петровича Толстого (1801–1873). Затяжная переписка епархии и Синода по поводу этой «записки» в несколько раз длиннее её самой. Курские епископы явно больше заботились о том, чтобы создать у Синода впечатление об их якобы напряжённой работе над историей вверенных им владений, нежели самим написанием такой истории. Рукопись М.В. Архангельского послали в столицу в оригинале, не оставив у себя в Курске копии. Так что когда в 1866 году Синод опять затребовал от губерний

⁹ Там же. Ф. 20. Оп. 3. Д. 9.

¹⁰ До 1883 года семинария располагалась в Белгороде, но и тогда называлась Курской.

церковно-исторические данные, приказав их печатать в газетах епархиальных управлений, курянам нечего оказалось опубликовать — рукописная сводка Архангельского сгинула в синодальном делопроизводстве, а ничего другого на сей счёт после неё в епархии долго не предпринимали.

Таким образом, деятельность курского губстаткомита подтверждает один из моих выводов, сделанных при рассмотрении губернской прессы. А именно тот, согласно которому замысел светских и церковных властей сделать из духовных лиц новоявленных летописцев родного края в конце концов не удался. Как ни странно может показаться на первый взгляд, учёные монахи и священники играли куда большую роль в гуманитарных науках в начале появления этих дисциплин на отечественной почве¹¹, нежели впоследствии, с их развитием (мы не имеем при этом в виду лиц, получивших образование в духовных семинариях и академиях, но трудившихся затем вне церковного ведомства — таковых в старой России было немало, в том числе на ниве исторического краеведения). За исключением нескольких (на всю Россию) высококультурных и энергичных иереев в отдельных губерниях, вроде священников-учёных — того же историка Евгения (Болховитинова), археолога Стефана Егоровича Зверева (1861–1920, Воронеж); этнографа Н.Н. Блинова (1839–1917, Вятка), раскопщика курганов о. Константина (Карпинского)¹² (1867, Чернигов), этимолога и археолога Николая Васильевича Любомудрова (1830–1897, Рязань) и некоторых других — большая часть краеведной работы на протяжении XIX–XX веков пришлась всё-таки на долю лиц, состоявших на гражданской службе или любителей вне таковой. Мирские знатоки старины эпизодически привлекали духовенство к сбору фактических сведений, пользуясь разветвлённой организацией и завидной дисциплиной в РПЦ, её безусловным покорством перед властью российского «кесаря» и его чиновников. Как видно, именно это последнее качество — сервильность, гипертрофированное в синодальный период; множась недостатки богословского образования (пресловутой «бурсы») и общественного положения приходского духовенства обусловили размеры его реального вклада в краеведение, в общем незначительного.

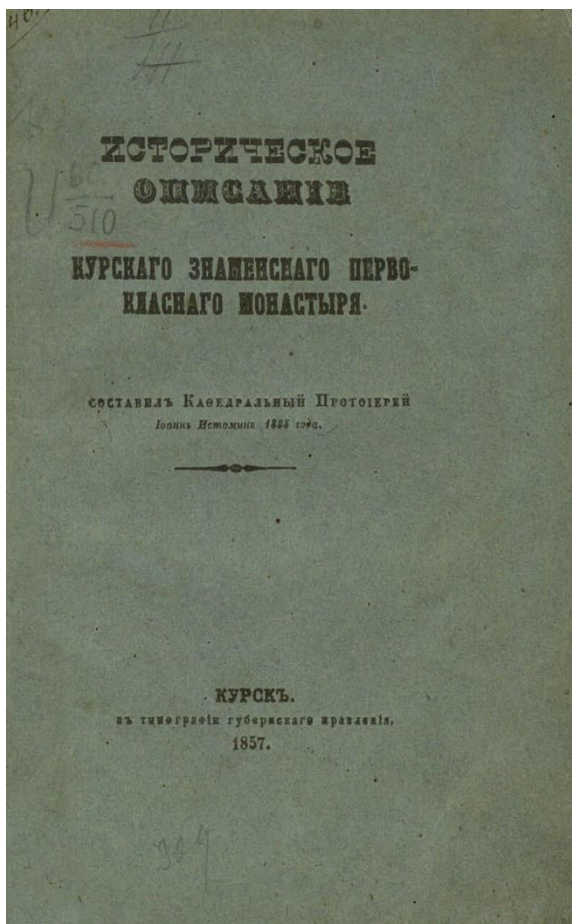
Церковно-исторические сочинения по Курскому краю позднее — ближе к рубежу XIX–XX веков — всё-таки вышли в свет¹³. Сначала на страницах

¹¹ См. хотя бы: Митрополит Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-русской церкви. Издания 1818, 1827 годов.

¹² Выпускник Курской духовной семинарии, где его, по всей видимости, и заметил профессор Д.Я. Самоквасов, привлёк к раскопкам курганов на их общей родине — Черниговщине.

¹³ См.: *Раздорский А.И.* Историко-статистические описания епархий Русской православной церкви (1848–1916). Сводный каталог и указатель содержания. СПб., 2007; *Его же.* Памятные книжки Курской губернии (историко-библиографический обзор) // События и люди в документах курских архивов. Сб. статей. Вып. 7. Курск, 2009.

епархиальной газеты, что отмечалось в предыдущей главе, затем и брошюрами, и книгами, которые будут упомянуты ниже. Однако в своём большинстве эти сочинения значительно уступали трудам краеведов-мирян и по количеству, и по качеству.

Так, ещё в 1833 году тогдашний протоиерей кафедрального собора в Курске Иоанн (Истомин)¹⁴ составил историческое описание Курского Знаменского монастыря, в общем компилятивное. Только в 1857 году оно было опубликовано брошюрой¹⁵. Составитель пересказывает упоминания об этой обители в печатных описаниях Курского наместничества, начиная с Ларионова (перевирая эту фамилию), «Истории российских иереев» 1812 года издания, и позднейших статьях журналистов вроде Головашенко (обо всех них я писал выше), указах святейшего Синода и правительствующего Сената. В редких случаях протоиерей опирается на невнятные «рукописи Коренной пустыни». Описание появления и судьбы

¹⁴ Этот священнослужитель отличился во время эпидемии холеры, когда проводил крестные ходы с курской иконой «Знамение» Богородицы и другими особо чтимыми образами в 1846–1848 годах, получил за это орден св. Анны III степени (вообще-то говоря, уже в то время была ясна пагубность массовых мероприятий для разноса заразы, но церковь и тут проявляет консерватизм, в этом случае общественно опасный).

¹⁵ См: Историческое описание Курского Знаменского первоклассного монастыря протоиереем Иоанном Истоминым. Курск, 1857.

главной реликвии края — Коренной иконы Богоматери он заимствует из постлетописной «Истории о городе Курске» позднейшей — 1792 года редакции ¹⁶. Критического отношения ко всем этим, в общем вторичным, источникам составитель не показывает.

*Дом купцов Шелиховых в Рыльске.
Известен также под названием «16 батарея» —
по размещавшейся в нём одно время воинской части.
Попытка реставрации руин в 1965 году не удалась
и здание было разобрано в 1998 году по комиссионному решению администрации
области и района. Иллюстрация из книги Н.Н. Чалых «Рыльск: история с древних
времен до конца XX века» на сайте города Рыльска.*

Верноподданническая ориентация первых организованных государством по Курскому краю исторических разысканий вполне отвечала господствующей идеологии своего времени, социально-психологическим установкам его официальных деятелей. И в дальнейшем мероприятия губернского статистического комитета в области изучения и охраны памятников старины останутся верны ультрамонархическим и клерикальным идеям. Что, надо признать, нередко придавало им одностороннюю, уязвимую с точки зрения научной объективности направленность. К примеру, купеческий дом семейства Шелиховых в Рыльске обратил на себя внимание

¹⁶ Научную оценку этого источника см.: Раздорский А.И. «Повесть о граде Курске» («Курский летописец» XVII века // Сайт «Курск дореволюционный»; Его же. О времени обретения курской чудотворной иконы Знамения Богоматери // V Дамиановские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции ... Ч. 1. Курск, 2008. С. 36–41.

этого комитета исключительно как место случайной остановки путешествовавшего императора Александра I и его семьи, а вовсе не в память родившегося здесь и прославившегося затем на весь мир мореплавателя-землепроходца Русской Америки Григория Ивановича Шелихова — «Коломба русского», российского конкистадора, можно сказать.

Но даже зауженные рамками охранительной политики, историко-краеведческие поиски губстаткомитета давали порой небезыңтересные для исторической науки результаты. Сейчас уже не особенно важно разбираться, какими именно мотивами руководствовались губернские чиновники, выявлявшие и сохранявшие свидетельства далёкого прошлого своего края. Иначе эти памятники могли вовсе не дойти до потомков. Так, в результате предпринятого в 1837 году розыска древностей по курским церквям и часовням оказались найдены и скопированы для этого комитета грамоты царей Алексея Михайловича (за 1646 год), Петра Алексеевича и царевны Софьи (датированная 7195, то есть 1684 годом). Этими документами сопровождались высочайшие пожалования курским храмам драгоценных атрибутов священства — серебряных, чеканной работы и вызолоченных крестов. Кроме того, комитет получил тогда же описания внешнего вида и копии надписей на других предметах церковной утвари — блюдах, иконах, панагиях, крестах-энколпионах со святыми мощами, колоколах и прочих атрибутах православного культа, подаренных здешним монастырям представителями царствующего дома за XVI–XVIII столетия.

Любопытно отметить, кстати, насколько подробно регламентирует вышеупомянутая совместная грамота Петра I и Софьи передачу из Разрядного приказа (чьи почти археологические мероприятия анализировались мной ранее, в разделе о кладах и кладоискателях) в Ново-Оскольский собор Успения Богородицы «животворящего креста Господня с мощами». Процедура доставки креста из Москвы, церемония его торжественной встречи и водворения во храме «всеми духовного и церковного чина людьми и новооскольскими детьми боярскими и всякими чинами и градскими людьми»¹⁷ от начала до конца подсказывалась и контролировалась правительством. К жалованной грамоте был приложен и сохранён в архиве отчёт местных властей о встрече царского дара новооскольцами — по сути сценарий театрализованного массового действия.

Таким образом, в фонде губернского статистического комитета, пусть даже по узко идеологическим мотивам, накапливался небезыңтересный материал по целому ряду отраслей исторической науки — археологии, истории нравов и общественной психологии, культуры и искусства.

¹⁷ ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 10. Л. 4.

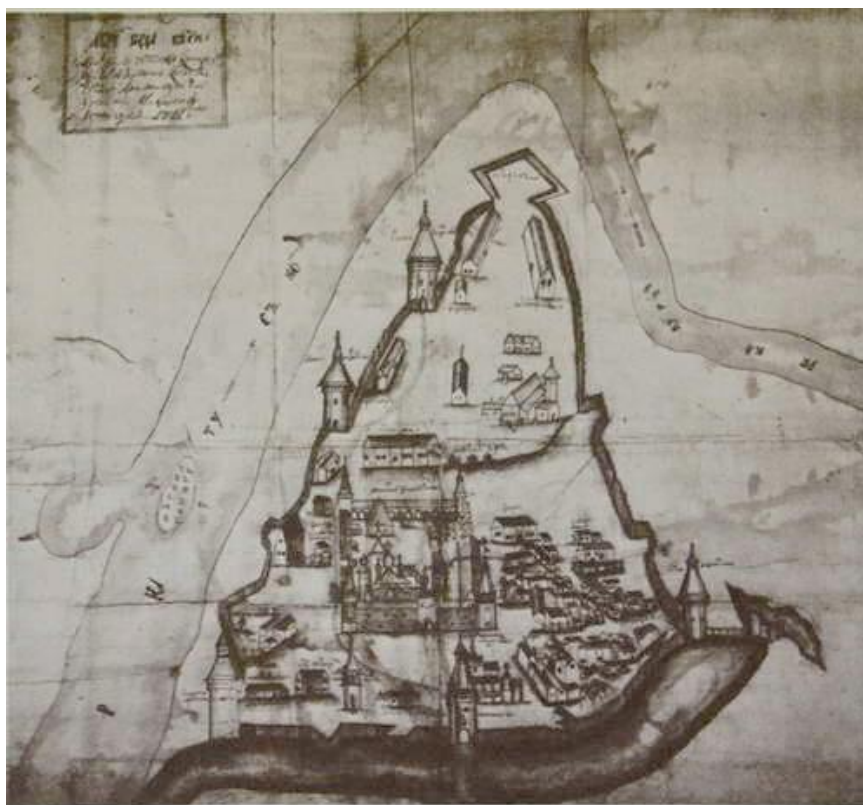
Под Курском боярин Иван Яковлевич Ярославов руководит строительством укреплений против крымских и ногайских татар. 1646 год. Репродукция с персонального сайта Натальи Чистяковой-Ярославовой.

В 1840 году курский губернатор по своей инициативе сообщал в Петербург, в МВД «о земляном вале, пролегающем в Белгородском уезде»¹⁸. Это первая в истории Российской империи известная нам реакция здешних властей на открытие собственно археологического (в современном значении этого слова) памятника. Благодаря чему информация о нём поступила в центральный архив государства и сохранилась до наших дней, когда сам памятник в значительной своей части утрачен из-за природной стихии и людского хозяйствования. Даже сто лет спустя после отмеченного донесения крестьяне белгородских деревень собирали древесный уголь из этого земляного укрепления — то ли раннесредневекового «змиева вала», то ли (скорее) части «засечных черт» начала Нового времени. В отличие от Украины, где так называемые «змиевы валы» монографически рассмотрены М.Г. Кучерой и его сотрудниками¹⁹, южнорусские объекты такого рода пока остаются вне специального археологического рассмотрения²⁰. Когда историки и археологи приступят к нему, архивный фонд курского статистического комитета окажется для них полезным подспорьем.

¹⁸ Рукописный архив СПб. ИИМК. Ф. 6. Оп. 51. Ч. 4. Д. 71.

¹⁹ См.: Кучера М.П. Змиевы валы Среднего Поднепровья. Киев, 1990.

²⁰ См. разве что: Шатохин И.Т. Памятники Белгородской черты на территории Белгородской области // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 25290.

*Курская крепость в составе засечной черты Московского государства.
Чертеж начала XVIII века. Из фондов РГАДА.*

За 1830 – 1850-е годы, как видно на примере Курска, наладить сколько-нибудь систематическую деятельность статистического комитета, в том числе по краеведческой части, так и не удалось. Только с началом великих буржуазных реформ произошла *реорганизация статистических комитетов и расширение их краеведческих функций*. Страна, стоявшая на пороге капиталистической стадии своего развития, наконец остро ощутила дефицит информационно-статистических ресурсов. Поэтому в 1852 году на базе аморфного Статистического отделения МВД в составе правительства основали специальный Статистический комитет. Его директором стал известный разносторонний учёный (географ, ботаник, экономист) и прогрессивный государственный деятель Пётр Петрович Семёнов (в будущем Тян-Шанский) ²¹. С 1857 года возглавляемая им служба стала именоваться Центральным статистическим комитетом (ЦСК), что уже вполне соответствовало его координирующей роли по сбору информации ото всех частей России. Административный статус, возможности статистической службы в государственном механизме империи повысились, в конце концов, должным образом.

²¹ Чьё имя недавно присвоили Липецкому государственному педагогическому университету.

Пётр Петрович Семёнов (1827–1914).

Его бюст на фоне здания Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в Маршинском дворце в Санкт-Петербурге, которую он окончил в 1845 году.

Фото автора.

Соответственно, захиревшие было на местах комитеты статистики начали будить к активной работе. Их число выросло до 70 — по численности губерний и прочих областей Империи. 26 декабря 1860 года утверждено новое «Положение о губернских и областных статистических комитетах»²², действовавшее до конца существования этих организаций, случившегося по ходу революцией 1917 года. Согласно этому нормативному акту, региональные комитеты оказались воссозданы по сути дела заново и на более надёжной основе. Бюджет каждого вырос до полутора-двух тысяч рублей в год. Выделялись и постоянные ставки секретаря комитета и двух его помощников-письмоводителей. Предписывалось иметь особое помещение для их работы и хранения текущих и архивных дел учреждения. Обязательное председательство губернатора сохранялось. Непременными членами оставались высшие должностные лица губернии, а действительные и почётные члены избирались из лиц высокообразованных или очень богатых, могущих меценатствовать. Число отчётных таблиц для комитета сократилось до 13, но по ним начали строго спрашивать точные и своевременные данные.

По новому статусу «на обязанность комитетов возложена забота о составлении подробных описаний губерний и замечательных местностей в

²² Полное собрание законов Российской Империи. II. Т. 35. СПб., 1860. Ст. 36453.

топографическом, *историческом*, промышленном, сельскохозяйственном и прочих отношениях и *об издании трудов своих* в свет. Комитеты имеют право требовать для своих изысканий и работ содействия всех лиц и мест, подчинённых губернскому начальству, и *снаряжать экспедиции для изучения губернии*, причём председатели комитетов могут командировать для той же цели, по определению комитетов, благонадёжных лиц»²³ [Курсив мой — С.Щ.]

В особом циркуляре МВД от 8 апреля 1861 года за № 397 выражалось пожелание, дабы деятельность губернского статистического комитета шла «как учреждения административно-учёного, а не просто административного», то есть без ненужных формальностей, «в виде, соответствующем более учёному обществу, нежели присутственному месту»²⁴ с его чиновничьим и внешней дисциплиной. По разъясняющему этот замысел определению директора Центрального статистического комитета П.П. Семёнова, губстаткомитеты должны были служить «одной из самых высоких в жизни задач — отечественного самопознания»²⁵.

Таким вот образом комитеты статистики и стали единственным органом государства в российской провинции, в чьи обязанности прямо входили её историко-археологическое изучение и надзор за сохранностью соответствующих памятников. Так оно и получилось на практике — по мере сил и средств, разумеется, с большими или меньшими успехами в разные периоды деятельности этих учреждений, в отдельных регионах страны. На III всероссийском Археологическом съезде отмечалось: «В среде наших провинциальных, губернских учреждений, весьма часто только одни статистические комитеты имеют несколько научный характер. Вот почему, невзирая на то, что строго статистические материалы требуют весьма обширной разработки, нашим статистическим комитетам нередко приходится принимать участие в собирании, а иногда и в разработке материалов, чуждых их прямой специальности»²⁶, а именно, по истории, археологии, этнографии, географии того или иного края. «В Статистические комитеты обращаются чуть не все учёные общества»²⁷ из Москвы и Петербурга, прочих университетских центров — констатировал на аналогичном форуме секретарь Псковского комитета И.И. Васильев.

²³ Юбилейный сборник Центрального статистического комитета... С. 8.

²⁴ Цит. по: *Воскресенский Н.В.* Исторический обзор деятельности Воронежского губернского статистического комитета. Воронеж, 1892. С. 4.

²⁵ *Сементовский А.М.* Сборник в память I Русского Статистического съезда 1870 года. Вып. 1. СПб., 1872. С. XXXI.

²⁶ *Рогге В.П.* Материалы для археологии Волыни // Труды III Археологического съезда. Т. I. Киев, 1878. С. 21.

См. заодно: *Шаманаев А.В.* Вопросы охраны культурного наследия на всероссийских археологических съездах (вторая половина XIX – начало XX века). Екатеринбург, 2017.

²⁷ Труды III Археологического съезда. Т. I. М., 1871. С. LX.

Просмотр публикаций различных комитетов со всей очевидностью демонстрирует: активная исследовательская и охранная работа велась на местах там, где в их составе оказались *энтузиасты исторического краеведения*. Основную нагрузку при этом несли *секретари губернских статистических комитетов*, которых губернатору предписывалось назначать «из лиц, имеющих учёные степени или, по крайней мере, окончивших курс в высшем учебном заведении» (Напомню, что первой учёной степенью до 1880-х годов у нас в стране считалась кандидатская, примерно эквивалентная нынешнему диплому высшего учебного заведения с отличием. За ней уже шли магистерская и докторская). Именно секретари планировали работу комитета; редактировали его делопроизводство и печатные труды; представляли губернию на различных совещаниях и съездах учёных и специалистов-практиков, довольно часто проводившихся в ту пору по разным отраслям знания; вели переписку со столицей и уездами по различным запросам на краеведческие темы; комплектовали подборки музейных экспонатов, тем или иным путём попадавших в губернаторскую администрацию. Таким образом, в лице комитетских секретарей перед нами по сути инспекторы по охране памятников старины и координаторы их разностороннего изучения в каждом из субъектов тогдашнего Российского государства.

На этой должности в Курске перебивало немало лиц, так или иначе участвовавших в краеведческой работе. Первым стал Иван Иванович Бесядовский, совмещавший в начале 1860-х годов эту должность с редактированием официальной газеты — курских «Губернских ведомостей». Позднейшим краеведам безусловно пригодилась его статья о курской Коренной ярмарке²⁸. Изложенные в ней факты и цифры приобрели в краевой историографии значение первоисточника.

Следующим (с 1869 по 1873) секретарём здешнего комитета оказался Юрий Иванович Кушелевский (1825–1873) — личность, судя по архивному делопроизводству с его участием, довольно бесцветная и после делегатства на I Статистическом съезде России от дел комитета устранившаяся. В Курск он перебрался из Сибири, где много путешествовал, собирал материалы по этнографии и географии²⁹, а в «материковую» Россию перебрался, как видно, чтобы отдохнуть от морозов и пурги³⁰. По сравнению с экзотическими самоедами, торосами и айсбергами курская лесостепь с крестьянскими хатами-мазанками под соломой казалась ему, как видно, тривиальной.

²⁸ *Бесядовский И. И.* Коренная ярмарка в 1863 году // Труды Курского губернского статистического комитета. Вып. II. Курск, 1866. С. 30–101.

²⁹ См. его книгу путевых заметок: *Кушелевский Ю.И.* Северный полюс и земля Ялмал. СПб., 1868.

³⁰ См. о нём подробнее: *Ласочко Л.С.* Забытые имена: путешественник, этнограф Юрий Иванович Кушелевский (1823–1879) // События и люди в документах курских архивов. Сб. статей. Вып. XIII. Курск, 2015. С. 129–132.

Более заметную фигуру на краеведческом поприще представлял собой *Александр Михайлович Мизгер* (1835–1891) — кандидат Харьковского университета, учитель естественных наук в мужской гимназии Курска, автор содержательных книг о курских растениях и полезных ископаемых ³¹.

Числившийся после него в комитете с 1888 года статский советник С.Н. Бельченко почитал это поручение синекурой, а вот сменщик его здесь — *Тит Иоильевич Вержбицкий* (1845–1899), известный читателю этой книжки по предыдущей главе о периодике, вполне подошёл на эту должность, насытил издания комитета (о которых ниже) ценными материалами об истории Курска и его уездов.

Наиболее же подходящим на роль секретаря здешнего статистического комитета оказался (с 1899 года) *Николай Иванович Златоверховников* (1865 – после 1917). Он стал самым деятельным и плодовитым, пожалуй, представителем и организатором исторического краеведения в Курске до революции. А «воспитание получил в Императорском Московском университете, но полного курса не закончил», отмечается в собственноручно заполненном им формулярном списке о службе. Учёбу пришлось бросить, видимо, по бедности, ибо с 1896 года Златоверховников «на службе в штате канцелярских служителей курского губернатора». Служил ревностно, «многokrатно был командирован по служебным делам в уезды губернии, причём в 1905 году ... и в 1906 году ... , подвергаясь опасностям во время бунта крестьян в Грайворонском и Щигровском уездах, весьма успешно выполнил данные ему поручения» ³². За это, а также организацию краеведных работ награждён был орденами (св. Станислава 3 и 2 степеней; св. Анны 3 степени) и медалями (в память 100-летия Отечественной войны 1812 г.; 300-летия Дома Романовых; «на ленте ордена Белого Орла за труды по отличному исполнению всеобщей мобилизации 1914 года»); благодарностями губернатора «за прекрасное качество труда» (в том числе по расследованию убийств).

³¹ См.: *Мизгер А.М.* Конспект растений дикорастущих и разводимых в Курской губернии. Курск, 1869; *Его же.* О курском самороде [фосфорите – С.Щ.]. Курск, 1872; *Танков А.А.* Александр Михайлович Мизгер (1835–1891). Биографический очерк // Памятная книжка Курской губернии на 1893 год. Курск, 1893. С. 1–40; Формулярный список о службе А.М. Мизгера // ГАКО. Ф. 1540. Оп. 1. Д. 27. Л. 29 об. – 32.

Выдающийся русский ботаник А.А. Алёхин, выпускник курской гимназии, обнаружил в её библиотеке труд Мизгера и опубликовал о нём работу: *Алёхин В.В.* Гербарий А. Мизгера и исследование курской флоры // Труды Ленинградского общества естествоиспытателей. 1924. Т. 54. Вып. 3. С. 9–40. Во время Отечественной войны богатейший гербарий курской флоры Мизгера был утрачен почти полностью.

³² Формулярный список о службе секретаря Курского губернского статистического комитета старшего штатного чиновника особых поручений при курском губернаторе Н.И. Златоверховникова. 2 января 1917 года. // ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 691. Л. 1 об., 3 об.

Златоверховников чаще кого бы то ни было, даже плодovitого популяризатора исторических знаний А.А. Танкова, публиковался в здешней периодике и с курскими корреспонденциями в столичной прессе; выступил инициатором и оставался бессменным редактором и составителем полупериодического «Курского сборника», вобравшего в себя много ценных тогда и до сих пор статей по археологии и этнографии края; был делегатом от губернии на нескольких Археологических съездах и выставках. Стиль его собственных работ по истории отличался некоторой поверхностностью и всеядностью в тематическом отношении, «канцелярностью» изложения, хотя их автор не чуждался беллетристики (Его бытописательские рассказы «За сюжетом», «Визитёры» и тому подобные публиковались в курских газетах). Служа с начала XX века по совместительству с комитетом чиновником особых поручений при нескольких курских губернаторах, Николай Иванович часто разъезжал по губернии, но, как ни странно, полевая археология его не привлекла. Ей он явно предпочитал свой городской кабинет, где сочинял обзоры курских древностей, в том числе археологических, опираясь на письменные источники и письма в комитет очевидцев разных городищ и курганов, тому подобных объектов.

Николай Иванович Златоверховников (1865 – после 1917) — секретарь Курского губернского статистического комитета. Фото с сайта «Курск, дореволюционный» из статьи Л.А. Кузнецовой.

Отмеченные недостатки Златоверховникова-краеведа носили относительный характер, все они искупались его замечательной энергией и

творческим долголетием на поприще деятеля провинциальной науки и культуры. Его имя стоит в почётном ряду таких выдающихся историков российской провинции, как П.С. Ефименко (Архангельск, затем Харьков), Н.Г. Первухин, Н.А. Спасский (Вятка), Е.Д. Фелицын (Кубань), князь Н.А. Костров (Томск), Р.Г. Игнатъев (Приуралье), И.И. Дубасов (Тамбов), А.С. Гациский (Нижний Новгород), А.В. Селиванов (Рязань), П.В. Алабин (Самара), Н.И. Второв, Л.Б. Вейнберг (Воронеж), К.П. Тихонравов (Владимир), Н.Ф. Окулич-Казарин (Псков), и некоторых других их сподвижников по членству в местных статических комитетах. Каждый из них стал основоположником истории, археологии и этнографии своего родного края.

Под непосредственным руководством своих секретарей Курский комитет, как и все остальные по России, был занят прежде всего и главным образом сбором и первичной систематизацией общестатистических сведений в масштабах губернии — об её естественных ресурсах и производительных силах, численности народонаселения, родах и эффективности занятий жителей, состоянии их здоровья и болезнях, рождаемости и смертности, общественном благоустройстве и призрении убогих, народном образовании и просвещении, правонарушениях и несчастных случаях, поступлении налогов и податей, целом ряде других социально-экономических статей. МВД вменяло комитетам в обязанность, помимо представления оперативной информации по общей форме и специальным запросам, «содержать в целости и всегдашнем порядке статистические сведения в таблицах и описаниях за предшествующие годы; карты, планы и проч.»³³. Все эти собираемые комитетом по указаниям министров и губернаторов из года в год данные — и цифровые сводки, и словесные описания отдельных сторон провинциальной жизни со временем превращались в ценные исторические источники, которые помогают теперь историкам выявить основные черты и тенденции социального развития применительно к длительным периодам и крупным географическим районам страны.

Так, фонд Курского комитета, как он сохранился в областном архиве, неоднократно использовался исследователями и частично введён ими в научный и практический, педагогический оборот. Дореволюционные и советские археологи не раз обращались к его материалам ради подготовки разведок и картографирования городищ и курганов, монетных и вещевых кладов в Курском Посеймье. Архитекторы и музейные работники — при составлении планов реставрации памятников зодчества и нового строительства на территории областного центра. Историки и архивисты, журналисты и краеведы — за самыми различными сведениями о прошлом Курского края и отдельных его районов. Ещё не до конца использованные возможности архивных фондов и печатных изданий российских комитетов

³³ ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.

На сайте архива имеется справка о его дополнительном описании в 2000-е годы.

статистики как информационных источников продемонстрированы в специальных исследованиях последних лет ³⁴.

*Алексей Сергеевич Уваров — основатель русской археологии.
Портрет работы Ивана Семёновича Куликова (1885–1941). 1916 год.
Хранится в Доме-музее И.С. Куликова в Муроме.*

Нас, однако, здесь интересует не столько источниковое, сколько историографическое и общекультурное значение работ комитета, то есть его сознательный вклад в изучение и сохранение древностей южно-русского края. Эта обязанность никогда не терялась этим учреждением из виду. Циркуляр МВД за № 397 в 1861 года напоминал губстаткомитетам о необходимости собирать сведения о памятниках истории и культуры губернии и выпускать их в свет при помощи «Губернских ведомостей» и прочих печатных изданий.

Краеведческое направление в деятельности Курского комитета первоначально оформилось как его *сотрудничество со столичными учёными и организациями*. По ходу масштабных реформ 1860 – 1880-х гг. в России возникали и развивались объединения, чьей специальной задачей стала

³⁴ Комарова И.И. Предпроектные исследования в строительстве. Вып. 1. М., 1988; Вып. 2. М., 1989 («Обзор изданий губернских статистических комитетов по вопросам развития городов России в 1834–1917 гг.»).

организация историко-археологических исследований³⁵. Среди них выделялась главная, причём единственная государственная организация такого рода — Императорская Археологическая комиссия в Петербурге (с 1859 года). Она числилась при Министерстве (императорского) двора, через него получала ежегодные дотации из казны и её непосредственной обязанностью было пополнение коллекций Императорского Эрмитажа.

Среди добровольных, общественных объединений любителей и профессиональных исследователей старины выделялись опять-таки Императорские (находящиеся под личным покровительством того или другого представителя царствующего дома) общества — Русское в Петербурге (ИРАО, с 1846 года) и Московское (ИМАО, с 1864 года) Археологические. Продолжали свою работу также Этнографическое отделение Императорского Русского Географического общества (ИРГО) и Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ИОЛЕАЭ, с 1863 г.) при Московском университете. Вот эти-то центры гуманитарной науки периодически обращались с предложениями сотрудничества к провинциальной интеллигенции, местным властям. В Курске такие обращения всегда находили сочувственный отклик, и с них здесь началось мало-мальски организованное на коллективных, плановых началах историческое краеведение, как научно-исследовательское, так и музейно-охранное.

ИМАО, созданное и возглавленное графом *Алексеем Сергеевичем Уваровым*³⁶, первым обратилось в МВД с инициативой использовать

³⁵ См.: *Степанский А.Д.* К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // Археографический ежегодник за 1974 год. М., 1975; *Чесноков В.И.* Правительственная политика и историческая наука России 60–70-х годов XIX века. Воронеж, 1989; *Старчикова Н.Е.* Историко-краеведческая деятельность губернских статистических комитетов России во второй четверти XIX — начале XX века: На примере Пензенской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2004; *Захарова И.М.* Провинциальные статистические комитеты Северо-Запада России: из истории становления отечественной статистики. Автореф. дисс. ... канд. ист. н. СПб., 2005; *Первушкин В.И.* Губернские статистические комитеты и провинциальная историческая наука. Пенза, 2007; *Лебедев С.В.* Астраханский губернский статистический комитет: опыт хозяйственной и научно-просветительской деятельности: 1836–1918 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. н. Астрахань, 2009; *Игумнов Е.В.* Создание губернских и областных статистических комитетов в Сибири и их научная деятельность (1835—1917 гг.). СПб., 2010; *Левин Ю.А., Дмитриева А.Н.* Орловская служба государственной статистики: страницы истории (1835–2010) / Под ред. Т.П. Устиновой. Орёл, 2010.

³⁶ Об этом выдающемся исследователе и организаторе русской науки см.: *Формозов А.А.* А.С. Уваров и его место в истории русской археологии // Уваровские чтения-II. Муром, 1994; *Латишин В.А.* Оценка деятельности А.С. Уварова в советской археологической литературе (динамика критики) // Финно-угры и славяне. Сыктывкар, 1986; *Щавелёв С.П.* Становление археологической методологии и методики в России (Вклад А.С. Уварова и Д.Я. Самоквасова) // Теория и методика исследования археологических памятников лесостепной зоны. Липецк, 1992; *Полякова М.А.* Некоторые проблемы сохранения памятников старины в трудах и выступлениях графа А.С. Уварова // Уваровские чтения-III. Муром, 2001; *Полякова М.А., Фролов А.И.* Ревнители московских

подведомственные тому комитеты статистики для розыска и учёта сохранившихся древностей. Предложение было принято, и очередным отношением Центрального комитета за № 63 от 27 апреля 1863 года всем губернаторам сообщалась «Программа археологических исследований, по которым ожидается содействие статистических комитетов»³⁷. В основе этого документа лежала печатная «Записка для обозрения русских древностей» (СПб., 1851), составленная ещё петербургским сотрудником А.С. Уварова — антикварием и фольклористом И.П. Сахаровым. Её можно рассматривать как первую инструкцию русским археологам и другим специалистам по исторической старине для проведения полевых, камеральных и музейных работ. Правда, отдача от неё оказалась невелика. Скорее всего потому, что собственного полевого, экспедиционного опыта, за её автором не числилось, а одного умозрения в столь практических науках, каковы археология да этнография, всегда оказывалось маловато. Тем не менее министерский циркуляр № 63 рекомендовал губернаторам «приглашать членов статистических комитетов, особенно имеющих постоянное пребывание в уездах, приводить в известность, по мере возможности, наличные в области памятники древности». Однако далеко не во всех губернских городах, а не то, что в уездах, к тому времени обретались образованные люди, располагавшие средствами, досугом и склонностью к археологии. Поэтому не все комитеты и не сразу превратились в историко-краеведческие общества, как то нередко утверждается в современной литературе по их историографии, на которую мы выше ссылались.

Так, в Курске вместе с уведомлением о получении «Программы археологических исследований» смогли выслать по адресу ИМАО только монетный клад, найденный в городе при рытье котлована на одной из купеческих усадеб — 874 серебряных гривны царей Михаила Фёдоровича и Алексея Михайловича. Клад нашли за несколько лет перед тем и хранили его в полицейском участке — местные власти просто не знали, куда его передать, а находчикам возвращать было жалко. Знаменитый в истории русской культуры указ Петра Великого о сборе разных «куръезитетов» для Кунсткамеры хотя и подтверждался, конкретизировался несколько раз последующими законодателями³⁸, но на местах о таких подробностях «Свода законов», как правило, ведать не ведали.

Таким образом, археологическая инициатива ИМАО весьма своевременно ориентировала провинциальные власти и губернских интеллектуалов по поводу возможностей экспертизы, музеефикации разных древностей и вообще помощи местным и приезжим лицам в изучении замечательных памятников старины. С тех пор курский комитет стал

древностей: Алексей Сергеевич Уваров (1825–1884). Прасковья Сергеевна Уварова (1840–1924) // Краеведы Москвы. (Историки и знатоки Москвы). Сборник [в 3 книгах; кн. 2] / Сост. Л.В. Иванов, С.О. Шмидт. М., 1995. С. 48–64..

³⁷ ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 37. Л. 1–2.

³⁸ См.: Полное собрание законов Российской Империи. I. Т. V. СПб., 1830. Ст. 541.

систематически, едва ли не ежегодно обращаться в ИМАО, а затем и в ИАК с сообщениями о случайных находках старинных предметов, чаще всего — монетных кладов на своей территории (соответствующий перечень даётся мной ниже, в Приложении о кладах).

Затем ИМАО в лице своей следующей председательницы — графини Прасковьи Сергеевны Уваровой, сменившей на этом посту безвременно скончавшегося супруга, начало регулярно привлекать курян к участию в работе своего главного детища — Археологических съездов и Предварительных комитетов (ПК) по их подготовке. С этой целью в Курск высылались программы съездов и все остальные издания Общества, пополнявшие библиотеку ГСК. Не раз очередной курский губернатор в письмах «её сиятельству графине» благодарил её с московскими сотрудниками, которые «любезно приняли на себя труд по определению историко-археологического значения предметов курской старины»³⁹.

*Анатолий Петрович Богданов (1834–1896) —
профессор Императорского Московского университета,
основоположник русской антропологии,
инициатор сбора остеологических материалов древнего населения Курского края.
Фото с сайта Института и музея антропологии МГУ имени Д.Н. Анучина.*

Новый толчок краеведческой деятельности комитета был дан другим научно-просветительским обществом — ИОЛЕАЭ. Антропологическое отделение этого общества обратилось к Курскому и остальным комитетам

³⁹ ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 109. Л. 7 об.

31 декабря 1865 года со следующим предложением: «Имея в виду собрать сведения о народах, населявших Россию в доисторический период, отделение просит сообщить ему, не известно ли Комитету случаев нахождения каких-либо доисторических предметов и, в особенности, из камня и кости». В запросе пояснялось, что из таких предметов Отделение собирается устроить в Москве специальный общедоступный музей, с непременно указанием мест и авторов находок отдельных экспонатов. Адресатам втолковывалось: пользу для науки окажут, на худой конец, даже «только одни указания случаев нахождения каменных орудий, в особенности если при этом будут приложены описания и рисунки этих орудий, и условий, при которых они будут найдены»⁴⁰.

Харьковщина на Русской Этнографической выставке 1867 года.

*Картинка, типичная для всей Слободской Украины,
включая южные уезды Курской губернии.*

Фото с сайта Института и музея антропологии МГУ имени Д.Н. Анучина.

По сравнению с вышеизложенной «гутцейтовской историей», при которой самочинный сбор курянами палеонтологических экспонатов привёл к цензурному скандалу на всю Россию, заметен явный прогресс в отношениях науки и идеологии на отечественной почве. Хотя пятнадцать лет

⁴⁰ Там же. Д. 56. Л. 1–1 об.

спустя после этой «истории» никто уже о тех доисторических находках в Курске не вспомнил. Подобная прерывистость в развитии исторического краеведения вообще характерна для российской провинции. Преемственность отдельных его этапов, между разными поколениями его деятелей стала налаживаться только с формированием таких краеведческих коллективов, как губернский статистический комитет, опыт которого худобедно аккумулировался в его архиве и печатных изданиях.

Следующее отношение ИОЛЕАЭ к губстаткомитетам пришлось уже на более подготовленную почву и не осталось втуне, как призыв к поиску кремнёвых орудий. Курскому губернатору и его подчинённым на сей раз предлагалось участвовать в подготовке и проведении Русской Этнографической выставки в Москве, намеченной на 1867 год. С её помощью инициаторы надеялись «распространить в публике сведения о России, познакомить с её разнообразным народонаселением, возбудить желание ознакомиться с этнографическим богатством нашего Отечества»⁴¹. А на основе собранных экспонатов открыть по окончании выставки этнографический отдел при Публичном (в будущем знаменитом — Политехническом) музее Москвы.

Устроителями выставки выступили учёные Московского университета во главе с *Анатолием Петровичем Богдановым* (1834–1896) — видным зоологом, основателем антропологии в нашей стране, одним из создателей ИОЛЕАЭ⁴². От региональных комитетов статистики они ждали пожертвований экспонатов. Прежде всего — типичных для отдельных районов народных костюмов, фотографических и живописных портретов местных жителей как образцовых представителей разных народностей и сословий России. «На выставке, — пояснял А.П. Богданов свой замысел в письме курскому губернатору, — предположено собрать до 300 фигур в человеческий рост, выражающих представителей различных племён, в их оригинальных костюмах и составляющих собой группы, охарактеризованные главным образом особенностями их быта. Мысль об устройстве выставки и такого музея не находила ещё осуществления ни в одном государстве Европы»⁴³. Заказ учёного общества весело поддержало Министерство внутренних дел⁴⁴, в чьём непосредственном распоряжении находились губернские статистические комитеты. Профессор Богданов умел находить общий язык и с властями, и с богатыми меценатами — спонсорами его амбициозных мероприятий по антропологии и этнографии.

⁴¹ Отчёт по устройству русского отдела Этнографической выставки и Русского музея в Москве // Северная почта. 1865. № 30. С. 20.

⁴² См. о нём: *Левин М.Г.* А.П. Богданов и русская антропология // Советская этнография. 1946. № 1; *Формозов А.А.* Следопыты земли московской. М., 1988. С. 133–135.

⁴³ ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 56. Л. 13 об.

⁴⁴ См.: Отношение министра внутренних дел Валуева начальнику Курской губернии. 26 февраля 1866 // Там же. Л. 2.

*Одна из акварелей Фёдора Григорьевича Солнцева (1801–1892)
в его кн. «Одежды русского государства».
На сайте Orel.story.ru Валерия Васильевич Глуценко (1949–2018).*

Тогдашний начальник Курской губернии П.А. Извольский запросил по данному поводу отзывы всех членов статкомитета. Большинству из них нечего оказалось ответить по существу. А вот некий господин Михаил А. Пузанов составил целую записку — «Мнение о собирании предметов, относящихся до этнографии и антропологии в Курской губернии»⁴⁵, датированную 14 ноября 1865 года. Реалистически подойдя к скудным тогда возможностям курского краеведения, автор записки рекомендовал губернатору и прочим влиятельным членам ГСК обратиться к местному купечеству и дворянству с просьбой о пожертвовании необходимых для экспонатных манекенов выставки костюмов. В первом случае он рассчитывал на подчеркнутую традиционность купеческого быта, где сохранялись «одеяния отцов и родоначальников» нескольких поколений. Рекомендую известные ему купеческие дома в Курске, Рыльске, Белгороде и

⁴⁵ Там же. Л. 17–20.

Фатеже, Пузанов предлагал воззвать к их чувству патриотизма, семейной гордости — «в видах сохранения для потомства коллекции костюмов».

*Молодая крестьянка Курской губернии в головном уборе — «сорочке».
Фото конца XIX века. Частная коллекция.*

Кроме того, отмечалось в «Записке», «в богатых аристократических поместьях губернии, каковы Борятинские, Юсуповы, Шереметьевы и др., без сомнения хранятся ещё многие предметы, которые могли бы украсить лучший этнографический музей». Идея превращения интерьеров дворянских усадеб и купеческих домов в музейные залы, как ни странно, оказалась реализована, в том числе и в Курске, но только лет 70 спустя после предложения Пузанова, когда большевики насильно национализировали соответствующую частную собственность. Своего рода частные музеи имеются и за границей, где отдельные замки, дома, квартиры чем-то знаменитых людей показывают туристам как местные достопримечательности. Только их не занимали вооружённые люди и не выселяли их владельцев неизвестно куда без какого бы то ни было суда и следствия. В пореформенной же российской провинции богатые и набожные представители господствующих сословий в своей благотворительности редко учитывали интересы науки, искусства и музеев. Их «свободных» денег не хватало на школы, больницы, прочие «дома общественного призрения». Меценаты-универсалы, к тому же утончённого вкуса и высокой мысли, вроде Уваровых, Третьяковых, Мамонтовых, Щукиных, Востряковых и им

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА 1879 ГОДА.

1224

Фото-Литография Штерн, Набокова и К^о в^о Москвѣ.

Экспонентский Отдѣль.

Отдел частных собраний на Антропологической выставке 1879 года.

Кое-что из намеченного автором записки в помощь московским учёным курянам достать удалось. На этнографическую выставку попали фотографические снимки нескольких типических физиономий жителей губернии. Кроме того, в околоремлёвском Манеже, где разворачивалась выставка, экспонировались, среди прочих, два манекена в традиционных костюмах крестьянок Курского и Обоянского уездов. Живописные наряды для них подарили в ответ на губернаторское обращение частные лица — некие М.А. Усова, Е.И. Лукин, В.Н. Карамзин. По замыслу предприимчивого на публичную рекламу своей науки А.П. Богданова, манекены, изображающие народные типы великороссов из 15 губерний, были сгруппированы в ярмарочную сцену. В толпе остальных её персонажей, курские бабоньки из папье-маше дивились на вожака с медведем, приценивались к товарам сельских промыслов и, в свою очередь, привлекали своей самобытной статью многочисленных посетителей выставки 1867 года. В её отделе костюмов находился и великорусский головной убор женщины из Курской губернии — дар некоего господина Жданова ⁴⁷.

Успех этого мероприятия в Манеже вдохновил А.П. Богданова на подготовку и проведение ещё более грандиозного мероприятия в том же роде — Антропологической выставки 1879 года, с международным конгрессом и отделением первобытной археологии при ней. Для новой выставки ИОЛЕАЭ запрашивало у статистических комитетов «местные собрания каменных орудий, остовов, черепов и предметов из курганов и доисторических гробниц; фотографии местного народонаселения и предметы быта и обстановки» ⁴⁸.

В очередном заседании Общества любителей естествознания 4 января 1878 года его секретарь «Н.Г. Керцелли заявил о пожертвовании К.Д. Тихомировым черепа, найденного в кургане Курской губернии на границе Дмитриевского и Льговского уездов, а также железного орудия, найденного в другом кургане в той же местности» ⁴⁹. Собрание московских учёных благодарило дарителя за доставленные предметы, но даже не поинтересовалось условиями их обнаружения или хотя бы приобретения (Случайные находки на пахоте? Чьи-то раскопки, по всей видимости самочинные?) и характером орудия. Такое пренебрежение минимально научной методикой добычи ископаемых древностей объясняется как естественнонаучной специализацией большинства активных сподвижников

⁴⁷ Этнографическая выставка 1867 года Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1878. С. 47, 59; илл. 1 (Известия ИОЛЕАЭ. Т. XXXIX. Вып. 1).

⁴⁸ Программа и переписка по доставлению в Антропологическую [так написал курский чиновник слово «антропология», скрестив его с «этнографией» – С.Щ.] выставку собраний этнографических предметов из Курской губернии. 1878–1879 годов // ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 71. Л. 3–4.

⁴⁹ Известия ИОЛЕАЭ. Т. XXV. Вып. 1. М., 1881. С. 75.

А.П. Богданова — «любителей естествознания», так и его собственной недооценкой именно археологических сторон своих и чужих раскопок⁵⁰.

Эта выставка открылась 3 апреля 1879 года в просторном здании Манежа, что напротив Кремля, и имела грандиозный успех (до 100 тысяч посетителей за первые пять месяцев работы). Огромная экспозиция включала в себя реконструкцию древних ландшафтов территории России, типичные для неё природные урочища (садовник и лесовод Ф.И. Деомюр) и типы поселений разных народов (архитектор В.Н. Корнеев), чьи фигуры-манекены в натуральную величину были представлены в традиционных оригинальных одеяниях (работы скульптора И.И. Севрюгина). Медико-антропологический отдел выставки включал в себя картины и рисунки типичных представителей различных рас и народов Земли и России, их же гипсовые бюсты и слепки, подборки нормальных и патологических черепов и прочих костей скелета, наконец, серию татуировок разных народов (А.А. Фогелер). Археологический отдел содержал представительные коллекции древностей из раскопок в разных частях Евразии. Геологический и палеонтологический отдел демонстрировал, кроме таблиц и карт, макеты-реконструкции фауны и флоры разных периодов истории Земли. Большая часть экспонатов выставки досталась в наследство учреждённому, по плану А.П. Богданова, кафедре и музею антропологии (ныне — Институт и музей антропологии МГУ).

Посылка Курского статистического комитета на саму Антропологическую выставку содержала в себе опять-таки образчики этнографической старины: головной убор крестьянки Курского уезда; домотканые в селе материи, резные ложки и кое-что ещё из декоративной деревенской утвари. Кроме широкой публики, русских учёных и многочисленных представителей царского двора, выставку тогда осматривали иностранные делегаты научного — антрополого-археологического съезда, приуроченного к этому времени. Среди последних находились такие светила европейской науки, как французские биологи и врачи Поль Пьер Брока (1824–1880), Габриэль де Мортилье (1821–1998), Поль Топинар (1830–1911), Жан-Луи-Арман Катрфаж (1810–1892), Эмиль Мажито (1834–1897) и другие (с ними в первую очередь сотрудничали тогда русские археологи и антропологи). «За организацию и доставку на Антропологическую выставку собрания этнографических предметов из Курской губернии» курский комитет получил благодарственный адрес ИОЛЕАЭ. Богданов никогда не забывал поблагодарить всех своих многочисленных помощников.

⁵⁰ См.: *Гладкова Т.Д.* Антропологическая выставка 1879 г. и основание музея антропологии // *Советская антропология*. 1959. № 2; *Формозов А.А.* Следопыты земли московской. М., 1988. С. 60–62; *Щавелёв С.П.* Историк Русской земли. Жизнь и труды Д.Я. Самоквасова. Курск, 1998 («С А.П. Богдановым, в Обществе любителей естествознания»).

В меру своих сил и средств курский комитет статистики занимался и таким разделом краеведения, как *выявление документальных материалов местной истории*.

Очередной циркуляр МВД (за 1867 год) вменял губернским статистическим комитетам в обязанность вдобавок ко всему участие в разборе архивов упраздняемых административной реформой губернских учреждений — с тем, чтобы были «извлечены интересные дела и документы, относящиеся до истории, археологии и проч.» гуманитарных наук. Тогдашний секретарь курского комитета А.М. Мизгер взял на себя для почина и пробы разборку гражданских дел старооскольского уездного суда за прошлые десятилетия его деятельности. Из 2436 пересмотренных дел он отобрал на хранение в Московском архиве министерства юстиции (МАМЮ) — главном тогда архиве древних актов России — всего 26 дел по размежеванию земель и 23 дела по откупам ⁵¹. Остальные дела данной архивной коллекции с благословения этого учителя ботаники были уничтожены. «Беда, коль пироги начнёт печи сапожник», предсказывал наш великий баснописец. Собирая богатейший во всей стране гербарий трав и цветов курской реликтовой лесостепи, биолог обрёл на безвозвратное уничтожение документальное богатство русского народа.

Вряд ли более счастливой оказалась судьба бумаг XVIII – начала XIX веков, оставшихся от прежних судебных учреждений и прочих государственных инстанций времён крепостного права по прочим уездам губернии. Тогда некому и некогда оказалось возиться с этим, как казалось многим современникам, даже интеллигентным, макулатурным хламом. Сегодня ясно, какой ценный для социально-экономической и политической истории края, а значит и всей страны документальный материал оказался незаменимо утрачен в ходе этой акции. Под прикрытием недалёковидных сотрудников комитета губернской статистики, надо сказать, далеко не только одного курского, множество архивных материалов в губернском центре и уездах продали на макулатуру чистым их весом или просто сожгли для освобождения лишней площади в том или ином казённом месте.

Несколько более плодотворной вышла *археологическая деятельность Курского губстаткомитета*. После описанных в одной из предыдущих глав этой книги раскопок А.И. Дмитриюкова, комитет принял на хранение в одном из своих шкапов большинство вещевых находок из суджанских и рыльских курганов, изученных училищным смотрителем. Ещё полезнее для науки оказалась во многом новаторская статья этого автора о его раскопках, опубликованная в очередном выпуске «Трудов» Курского комитета вкупе с отличными картами и масштабными рисунками самых типичных находок. Мне привелось повторно опубликовать эти полузабытые изображения, в том

⁵¹ Памятная книжка Курской губернии на 1893 год. Курск, 1893. С. 32 (1-й паг.). См. также целый ряд материалов ГАКО о «разрешении продажи» на макулатуру старых архивных дел полицейских, благотворительных и других учреждений губернии: ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Ч. 4. Д. 8788; 4844; 5753; 5789; 5790; 5798; 5858 и мн. др.

числе в журнале «Российская археология»⁵². Подобные публикации демонстрируют актуальность давних архивных и редких печатных материалов для современного изучения тех же самых горизонтов древностей (в данном случае — носителей роменской археологической культуры восточных славян накануне их покорения Русью).

Гочевское городище «Царёв дворец» раскапывается экспедицией доцента Б.А. Рыбакова (ГИМ) и Курского областного краеведческого музея. Архив автора.

Кроме упомянутых, курский комитет ввёл в научный оборот описание вовсе разрушившихся уже тогда валов и рвов Ратского городища под Курском, напечатав в первой же «Памятной книжке» губернии соответствующий репортаж любознательного экскурсанта из Курска⁵³. Когда на этом археологическом памятнике возобновлялись археологические исследования (археологами И.И. Ляпушкиным в 1940-е гг.; Ю.А. Липкингом

⁵² См. подр.: *Щавелёв С.П.* Первые страницы истории курской археологии (А.И. Дмитриюков и Д.Я. Самоквасов) // Археология и история Юго-Востока Руси. Тезисы конференции. Курск, [Курский гос. пед. ун-т], 1991. С. 95–97; *Его же.* А.И. Дмитриюков — первый курский археолог и этнограф // Архивная находка. Вып. 1. Курск, 1992; *Его же.* Археологический почин курского учителя А.И. Дмитриюкова в 1820–1830-е годы // Российская археология. 1996. № 4. С. 177–184; *Его же.* Облик старого Рыльска на взгляд А.И. Дмитриюкова // Малые города России. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции (1–3 июня 2000 г., г. Рыльск). Ч. I. Курск, 2000. С. 48–50.

⁵³ Древности. А. Меловая крепость (древний острожек или крепость первобытного города); Б. Вал на реке Рати // *Памятная книжка Курской губернии на 1860 год.* Курск, 1860. С. 44–49.

в 1950-е; А.В. Кашкиным и А.А. Узяновым в 1970-е; В.В. Енуковым в 1990-е, тогодились скромные, но весьма оригинальные данные осмотров этого городища, оставшиеся от XIX века. А мной эти данные были использованы при изучении зарождения археологической практики в России XVII века, в свою очередь связанном с Ратским археологическим комплексом ⁵⁴).

*М.Н. Сперанский — член-корреспондент (1902) Императорской академии наук,
Фото с сайта feb.web.ru*

На качественно новый по размаху и глубине понимания задач полевой археологии уровень краеведов из статистического комитета вывело сотрудничество с одним из первых профессиональных исследователей отечественных древностей — профессором Варшавского университета Дмитрием Яковлевичем Самоквасовым. О его вкладе в изучение истории и археологии Юга России речь пойдёт специально в следующей главе этой книжки. Пока отмечу то ключевое для обсуждаемого здесь сюжета обстоятельство, согласно которому более или менее правильные (по методическим меркам своего времени) раскопки на территории центральных, собственно старорусских губерний, включая Курскую, только-только начинались в период деятельности статистического комитета. Лишь с этого

⁵⁴ См.: Щавелёв С.П. Становление археологического интереса в России XVII века (ранние находки древностей в районе Курска в отражении приказного делопроизводства) // Российская археология. 1998. № 2. С. 188–194.

времени интеллигентные жители провинции могли представить себе реальную ценность курганов и городищ своей округи для отечественной истории. Фантастические домыслы и вульгарное неведение относительно «древних земляных насыпей» начали рассеиваться благодаря печатным отчётам первых их культурных раскопщиков; периодическим съездам ИМАО, где выступало большинство русских археологов и многие иностранные; открытию А.С. Уваровым с единомышленниками первого русского национального — Исторического музея в Москве, на Красной площади.

*Михаил Несторович Сперанский —
академик (1921) советской Академии наук.
Фото последних лет жизни учёного, прошедшего арест и следствие в ГПУ.
Фото с сайта Общества «Мемориал» «Топография террора».*

Однако вплоть до конца XIX века собственных энтузиастов полевой археологии среди курян так и не нашлось. А.И. Дмитрюков на этой ниве остался гордым одиночкой. Не слишком баловали своим вниманием «край, где Сейм печально воды средь берегов осиротелых льёт» (А.К. Толстой) и столичные знатоки древностей, университетские специалисты. Их археологические увлечения до поры, до времени устремлялись в Крым, где антики греческих колоний и драгоценности скифов служили слишком

соблазнительной добычей для первоисследователей столь давней старины. В Курске же за весь прошлый век, кроме вышеупомянутых раскопок своего земляка А.И. Дмитриюкова и заезжего гостя Д.Я. Самоквасова, можно отметить только самодеятельную экспедицию М.Н. Сперанского по Рыльскому уезду в 1894 году.

Михаил Несторович Сперанский (1863–1938) — москвич по рождению, выпускник историко-филологического факультета Московского университета, ставший его же ординарным профессором. Членом ИМАО его избрали как выдающегося специалиста по древнерусской литературе ⁵⁵. Именно регулярное участие в заседаниях этого общества, по всей вероятности, и побудило его к раскопкам, которые, впрочем, остались в научной биографии филолога единичным эпизодом. Во всяком случае, среди множества его публикаций археологические темы более не фигурируют, хотя Курский край с его курганами и городищами он продолжал навещать, судя по всему в связи с семейно-родственными делами. Однако далее интересовался уже местным фольклором, об одном из мастеров которого опубликовал специальное исследование ⁵⁶.

Фотография одной из идиотских «дощечек Фёдора Изенбека» ⁵⁷.
С сайта *RuRead*.

⁵⁵ Список соответствующих трудов М.Н. Сперанского см.: Историко-филологический институт имени князя Безбородко в Нежине. 1875–1900. Нежин, 1900; Словарь членов Общества любителей российской словесности. М., 1911.

⁵⁶ См.: *Сперанский М.Н.* Курский лирник Семёнов // Древности. Труды Славянской комиссии ИМАО. М., 1907. С. 53–54.

⁵⁷ *Фёдор Артурович Изенбек* (1890–1941) — русский офицер-артиллерист, участник Белого движения; в эмиграции художник и дизайнер. находка пресловутых табличек, по всей видимости, посмертно приписана ему мистификатором-авантюристом Ю.П. Миролубовым.

Коллег из ИМАО не раз выручали глубокие знания и практические навыки Сперанского в области византийской и славянской палеографии. Так, он разбирал и готовил к публикации коллекцию древних рукописей А.С. Уварова после его безвременной кончины; читал запутанные надписи на амулетах-змеевиках; комментировал археологические реалии древнерусской литературы.

Именно М.Н. Сперанский убедительно разоблачил фальсификации археологических и архивных «находок» пресловутого А.И. Сулакадзева, сделанные тем, в частности, с «подлинной рукописью новгородского происхождения XIV века, но с поддельными приписками, сделанными позднее»⁵⁸. Между прочим, едва ли не самая знаменитая (печально) фальшивка этого же круга — так называемые «Влесовы книги» на деревянных дощечках — по одной из легенд были найдены именно в 1919 году в Курской губернии, когда по ней полыхали бои гражданской войны.

Так вот, летом 1894 года рыльский помещик В.В. Филимонов пригласил М.Н. Сперанского, в очередной раз навестившего курские края, и в помощь ему местного доктора Н.И. Коротнева для раскопок курганов верстах в 30 от Рыльска, на окраине села Голубовки, вблизи реки Нестуни. Часть насыпей распахивалась, другая поросла дубовым лесом. Кладоискатели из здешних крестьян разрыли незадолго перед тем пару курганов, но ничего ценного для себя не нашли. Из сохранившихся более 100 насыпей гости владельца этой земли раскопали 11 (10 среднего размера, каких было большинство в этой группе, и 1 большего). Под ними оказалось 4 мужских и 6 женских труположений древнерусского времени. М.Н. Сперанский логично сопоставил свои находки из этих могил с вещевым инвентарём других курских курганников, раскопанных к тому времени учителем А.И. Дмитриуковым и профессором Д.Я. Самоквасовым и отнесённых ими к древностям летописного объединения северян. Вещи, действительно, тут и там встретились достаточно однотипные: сосуды с волновым орнаментом, импортные бусы; другие ювелирные изделия — бубенчики, серьги, шейная гривна, медальон, лунница, бронзовый браслет, перстень, височные кольца и тому подобные вещицы⁵⁹.

Однако вывод автора раскопок насчёт северянской принадлежности этого кладбища оспорил А.А. Спицын. В своём отклике на соответствующую публикацию М.Н. Сперанского товарищ председателя Императорской Археологической комиссии определил найденные там семилопастные височные кольца и шейную гривну как радимичские и подчеркнул: «Описанные М.Н. Сперанским раскопки тем весьма важны и ценны, что

⁵⁸ См.: *Сперанский М.Н.* К истории русских рукописных подделок // Доклады АН СССР. Серия В. Л., 1928; *Его же.* Русские подделки рукописей в начале XIX века. (Бардин и Сулакадзев) // Проблемы источниковедения. Вып. 5. М., 1956.

⁵⁹ *Сперанский М.Н.* Раскопки курганов в Рыльском уезде (Курская губерния) // АИЗ, издаваемые ИМАО. 1894. № 8–9. С. 263–269.

показывают, как далеко заходила радимичская культура на восток»⁶⁰. Тем не менее отчёт по данным раскопкам Спицыным был признан «недостаточно полным и ясным»! — высота некоторых курганов, детали погребального обряда в нём оказались пропущены. Но Спицын был, как известно, очень строгий судья, особенно в отношении московских коллег, не всегда обоснованно ревновавший к их успехам. С позиций сегодняшнего дня определённые недочёты простительны для филолога, взявшего на себя труд охранных (кладоискатели!) и приоритетных раскопок на археологической целине.

При заметной спорадичности археологических раскопок на протяжении довольно длительной деятельности Курского комитета статистики, надо отметить, что аналогичные комитеты прочих губерний и областей России в своём большинстве сделали в этом отношении ещё меньше или совсем ничего. Мало-мальски систематическое изучение разных археологических культур в пределах одного географического микрорегиона оказалось для российской провинции делом отдалённого будущего.

Надзорные функции губернского статистического комитета в отношении разных памятников старины изначально предусматривались и неоднократно подтверждались МВД. Так, циркуляр министра внутренних дел за № 13 в 1886 года обязывал полицейских приставов при описи имущества по решению суда выделять в отдельные перечни вещи, представляющие археологическую ценность и направлять их в статистический комитет или потом в Губернскую учёную архивную комиссию (открытые к тому времени всего в нескольких губерниях), а в случае отдалённости тех и других отправлять соответствующие сведения в Петербургский Археологический институт (АИ), открытый академиком Н.В. Калачовым как головная организация запроюктированных им губернских архивных комиссий. Кстати сказать, должность судебных приставов была воссоздана в правоохранительной системе нынешней России, и они вкупе с таможенными и налоговыми чиновниками призваны способствовать музеефикации антиквариата уровня национального достояния из конфискуемого государством имущества.

Циркуляр же № 31 за 1894 год напоминал губернским статистическим комитетам о необходимости принимать на хранение и экспертизу случайные находки, имеющие археологический интерес; важнейшие из них пересылать

⁶⁰ *Спицын А.А.* Заметка о курганах Курской губернии // Там же. № 10. С. 326.

Что касается древностей, приписывавшихся летописным радимичам, то новейшие исследования продемонстрировали их довольно широкое распространение по территории Древней Руси; в том числе и за пределами летописной локализации этого восточнославянского объединения. Так что соотношение этноспецифичных вещей и носителей соответствующей этничности (или субэтничности) выходит сложнее, чем представлялось основоположникам нашей археологии. См. подробнее: *Хвоцинская Н.В.* Об этнической атрибуции подвесок с изображением головок быка // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. СПб., 2000.

в Императорскую Археологическую комиссию для проверки и помещения в крупные музеи.

Чаще всего по линии комитета учитывались монетные да вещевые клады, периодически находимые в провинции. Гораздо реже губернским краеведам доставались менее драгоценные, но порой более информативные в научном отношении находки. Так, в 1876 год «обоянский уездный исправник доставил кость мамонта, найденную в горе у слободы Казацкой при раскопке камня, и олений череп с рогами в 16 отростков, вытщенный из реки Псла крестьянами хутора Трешна при ловле рыбы. К этому г-н уездный исправник присовокупляет, что в памяти жителей Обоянского уезда не сохранилось преданий о водившихся там когда бы то ни было оленях»⁶¹.

А в 1893 году полицейский исправник Новооскольского уезда рапортовал губернатору А.Д. Милютину о том, что «в слободе Ольшаке 14 июня сего года при исправлении улицы рабочими и сотским Стефаном Ровенко найден в земле большой квадратный зуб допотопного животного... Зуб найден в глубине от поверхности земли на 1,5 четверти в жёсткой глине». Вскоре, 24 августа, губернатор получил аналогичное донесение из другого пункта того же уезда: «Крестьянин слободы Покровско-Михайловки Аким Кононов Гусятников на земле своего общества ... в глубоком овраге, находящемся в поле на расстоянии от деревни Татьянаовки в двух верстах, в июне сего года нашёл клык большого животного. Клык замечен был случайно, когда Гусятников зашёл в этот овраг с целью укрыться от бури, клык торчал из-под земли. Клык длиной 2 аршина 3 вершка [155,3 см — С.Щ.], весом 31 фунт [12,7 кг — С.Щ.]. Оба конца обломаны, и неизвестно, какой длины до повреждения»⁶².

Губернатор не замедлил отправить явно мамонтовые кости в Императорскую Археологическую комиссию с надлежащим рапортом про обстоятельства находок. Та передала их в Зоологический музей, где и подтвердили, что получены коренной зуб и бивень мамонта. Секретарь Академии генерал-лейтенант Н. Дубровин отписал Милютину, что кости «не имеют никакой ценности и интересны лишь как новый материал для познания географического распространения этого вымершего животного». Гусятников даже получил из Петербурга свою находку обратно. Разведать указанные местонахождения четвертичной фауны ни у столичных учёных, ни у курян из статкомитета тогда не возникло.

Именно в качестве непрременных председателей статистических комитетов губернаторы и подчинённая им местная полиция обязаны были брать на заметку «остатки древних замков, крепостей, памятников и других зданий древности», «доносить о всех древностях в Министерство внутренних дел с приложением по мере возможности рисунков, планов или

⁶¹ Протокол годичного заседания Курского губернского статистического комитета от 24 марта 1876 года. № 39. С. 5.

⁶² Архивное дело из губернаторской канцелярии пересказано в публикации: Горбачёв П.О. Приключения курского мамонта // Городские известия. Курск, 2015. № 7 (357). 17 февраля. С. 7.

фотографических снимков с сих памятников»⁶³ (гласил очередной министерский циркуляр во все губернии страны). Кроме памятников старинной архитектуры губернским властям предписывалось учитывать и собственно археологические объекты: курганы, каменные бабы, камни и плиты со старинными надписями и изображениями; пещеры, дюны со следами стоянок первобытного человека. Столь расширенный перечень был установлен МВД под явным давлением ИМАО и его энергичной председательницы, имевшей влиятельные связи при царском дворе, графини П.С. Уваровой. Реализовать такую программу по региональной археологии оказалось весьма непросто, прежде всего из-за отсутствия на местах соответствующих специалистов и особых ассигнований на археологические поиски. Хотя постоянной археологической службы в российской провинции создать так и не удавалось вплоть до 1970 – 1980-х гг., даже разовые мероприятия министерств и ведомств в этом направлении приносили определённую пользу.

Так, курский отчёт по упомянутому запросу МВД насчитывает в черновике, сохранившемся в ГАКО, 271 лист. Сведения для него собирались через городские управы, уездных исправников и приходских священников. Часть городов и уездов не усмотрела, как водится, на своей территории никаких древностей. О предыдущих запросах такого же содержания и ответах на них там просто забыли. Но часть уездов прислали фотографии и словесные описания культовых и гражданских сооружений XVIII–XIX веков постройки — церквей, часовен памяти разных православных святых и российских самодержцев; а также повсеместно прославившихся земляков (вроде рыльского дома Г.И. Шелихова; бюста М.С. Щепкина в Судже; колокола, пожалованного в 1674 году Алексеем Михайловичем корочанской церкви; домике Петра I в слободе Борисовке Грайворонского уезда; памятников астроному Ф.А. Семёнову, поэту И.Ф. Богдановичу в самом Курске; и т.п.).

На основании собранных тогда материалов и личных наблюдений за историческими памятниками губернии Н.И. Златоверховников составил и опубликовал на средства ГСК содержательную брошюру⁶⁴. К этому каталогу регулярно обращались и обращаются краеведы, историки и просто туристы следующих поколений.

Кроме того, данное правительственное мероприятие подготовило в провинции почву для более сознательного отношения к последовавшей вскоре уже специально археологической анкете ИМАО. В Курской и смежных с нею губерниях этот опрос провели в 1901 году по просьбе П.С. Уваровой в рамках подготовки к очередному, XII Археологическому

⁶³ Сведения о всех существующих древних зданиях, памятниках старины, о памятниках новейшего времени, воздвигнутых в честь Высочайших особ, в память разных событий. 1901–1902 годов // ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 113. Л. 1.

⁶⁴ См.: *Златоверховников Н.И.* Памятники старины и нового времени и другие достопримечательности Курской губернии. Курск, 1902.

съезду в соседнем Харькове (1902 года). Этим всероссийским мероприятием, убеждали курян его инициаторы, «создаётся исключительный момент в истории края, когда многие учёные силы и значительные денежные средства будут употреблены на изучение его в археологическом и историко-этнографическом отношениях»⁶⁵.

К такому обращению, подписанному авторитетным историком, профессором Харьковского университета Д.И. Багалеем, прилагалась очередная программа, подробно перечислявшая, какие именно типы первобытных, исторических, церковных древностей, этнографических предметов и фольклорных сюжетов желательно собирать для Археологического съезда, впервые непосредственно включившего в свою орбиту курскую территорию.

«Свод сообщений земских начальников Курской губернии о древностях» был послан в Харьков, а самые эффектные экспонаты в натуре, извлечённые из запасов статистического комитета, Златоверховников лично возил на выставку при съезде. Среди 41 курского экспоната — ювелирные изделия, бытовые предметы рубежа I–II тыс. из славянских курганов Посеймья; старые карты губернии, рукописи обоянского этнографа А.С. Машкина, другие документы XIX века. Эта, медленно, но верно пополнявшаяся коллекция раритетов статистического комитета вскоре легла в основу первого публичного музея древностей в Курске.

Отдельная анкета ИМАО, проведённая Харьковским Предварительным комитетом и через Курск, посвящалась каменным бабам — могильным изваяниям кочевников южных степей — печенегов, торков, половцев и прочих, сменявших здесь друг друга в древнерусские времена. Подобные статуи нашлись тогда только в трёх уездах — Грайворонском, Корочанском и Тимском. Н.И. Златоверховников описал их для Харьковского съезда⁶⁶, чем пополнил общую сводку такого рода памятников, которой до сих пор пользуются специалисты по истории Степи.

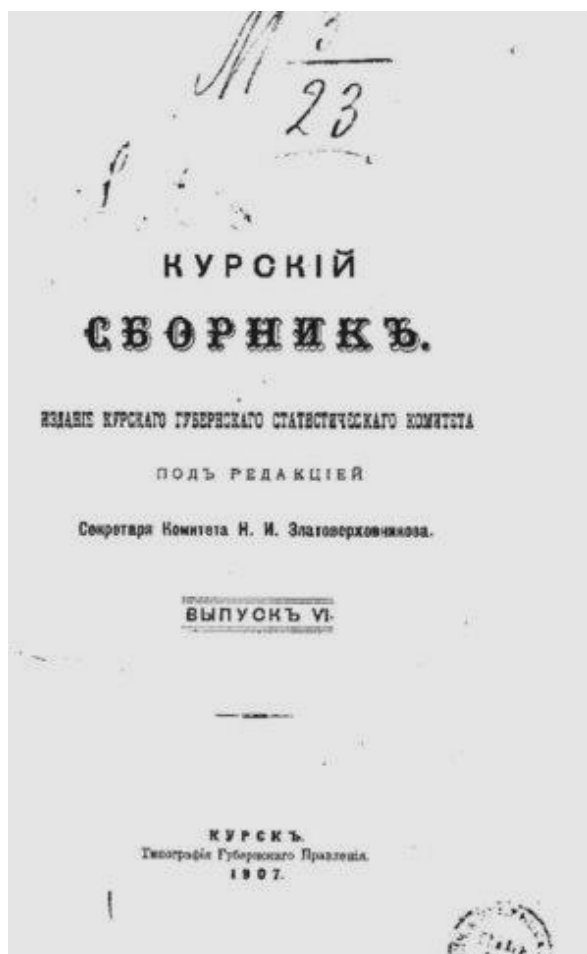
Следующий, XIII Археологический съезд проходил в Екатеринославле и поэтому опять-таки ориентировался прежде всего на Южную Россию, включая Курский край. Замысел ИМАО состоял в том, чтобы «убедить лиц, поработавших для Харькова, не оставлять начатой работы...» Депутаты Курского статистического комитета, несмотря на бурные события 1905 года, в том числе ожесточённые бунты курских крестьян, побывали и в Екатеринославле — в роли внимательных слушателей, учеников маститых учёных из разных российских университетов.

Таким образом, эпистолярное и съездовское общение провинциальных любителей археологии со столичными учёными носило хотя и спорадический, но достаточно органичный, взаимовыгодный характер и

⁶⁵ О доставлении Предварительному комитету по устройству XII Археологического съезда в Харькове чрез земских начальников сведений, касающихся местной старины. 1901–1902 годов // ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 116. Л. 1.

⁶⁶ Сведения о каменных бабах // Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 118.

мало-помалу способствовало обнаружению и изучению местных древностей, других памятников истории и культуры.

Издательская деятельность губернского статистического комитета заслуживает специальной оценки историка отечественной науки и культуры. Кроме широкораспространённых по губерниям и областям России «Памятных книжек» — ежегодных справочников, путеводителей и одновременно альманахов краеведческих материалов ⁶⁷, куряне выпустили в свет 4 объёмистых тома «Трудов» своего комитета (Курск, 1863, 1866, 1877 годов) и 7 выпусков «Курского сборника» меньшего формата, но столь же высокой информативности по историко-этнографической части. Цифровые отчёты губернских статистиков хорошо сочетались под этими обложками с разнообразными по тематике очерками краеведов, несколькими

⁶⁷ См. первый в своём роде справочник: Балацкая Н.М., Раздорский А.И. Памятные книжки губерний и областей Российской Империи. Предварительный список. СПб, 1994.

В 2006 году Российской национальной библиотекой в Санкт-Петербурге при финансовой поддержке Министерства культуры РФ начата оцифровка коллекции «Памятных книжек» 89 губерний и областей Российской империи. Они выпускались местными официальными лицами и учреждениями Министерства внутренних дел. Всего к настоящему времени выявлено 2267 таких изданий, выходявших с середины 1830-х годов до 1917 года. Первые образцы такой оцифровки уже представлены в электронном фонде РНБ.

статьями столичных учёных — Д.Я. Самоквасова (о его курганных раскопках на Псле), А.А. Спицына («Обозрение Курской губернии в археологическом отношении» из его знаменитой серии региональных сводок результатов раскопок и случайных находок археологически значимых вещей), Д.К. Зеленина (о курских рукописях по этнографии в архиве Императорского Русского Географического общества), других авторов из Москвы, Петербурга, Киева, Харькова. Как видно по приведённым именам, с провинциальными краеведами сотрудничали всемирно известные авторы, подлинными основоположниками археологии и этнографии в России.

Издания российских комитетов статистики оценивали как образцовые с научной и просветительской точек зрения уже современники, включая самых компетентных в гуманитарной библиографии специалистов. Так, киевский профессор В.С. Иконников в своём обобщающем труде выделял как лучшие по всей стране публикации комитетов статистики Воронежа, Курска, Перми и Чернигова ⁶⁸.

Хотя по масштабам издательской деятельности Курский комитет не стал лидером (сравните 40 томов «Трудов» Варшавского комитета), но и в отстающих не ходил. Вот по части интереса к вещественным, собственно археологическим древностям губернии с курянами мало кто мог по регионам России сравниться. Ведь при всём разнообразии содержания изданий статистических комитетов разных губерний и областей, публикации по археологии, тем более полевой, практической, отсутствовали в них до середины 1870-х годов. Из этого правила нашлось только три исключения: статьи о курганах Владимирской губернии К.П. Тихонравова ⁶⁹ и Ярославской — Л.Н. Сабанеева ⁷⁰ (прославившегося в качестве выдающегося писателя-охотоведа, учёного ихтиолога, автора «Охотничьего календаря» России и других замечательных трудов на темы охоты и рыбной ловли), да уже рассмотренные нами выше отчёты о раскопках А.И. Дмитриюкова. В заголовках публикаций комитетских изданий за этот же период их выпуска слово «древности» встречаются только у курян, да применительно к Виленской губернии ⁷¹ (где жил и вёл раскопки известный польский археолог Адам Киркор ⁷²). Перелом же в отношении к

⁶⁸ См.: *Иконников В.С.* Опыт русской историографии. Т. 1. Кн. 2. Киев, 1891. С. 276.

⁶⁹ См. всего лишь: *Тихонрапов К.* Археологические исследования во Владимирской губернии, с приложением журналов разрытий // Труды Владимирского губернского статистического комитета. Вып. 2. Владимир, 1864; *Его же.* Исследование курганов близ Вознесенского посада в Шуйском уезде // Там же. Вып. 6. Владимир, 1867.

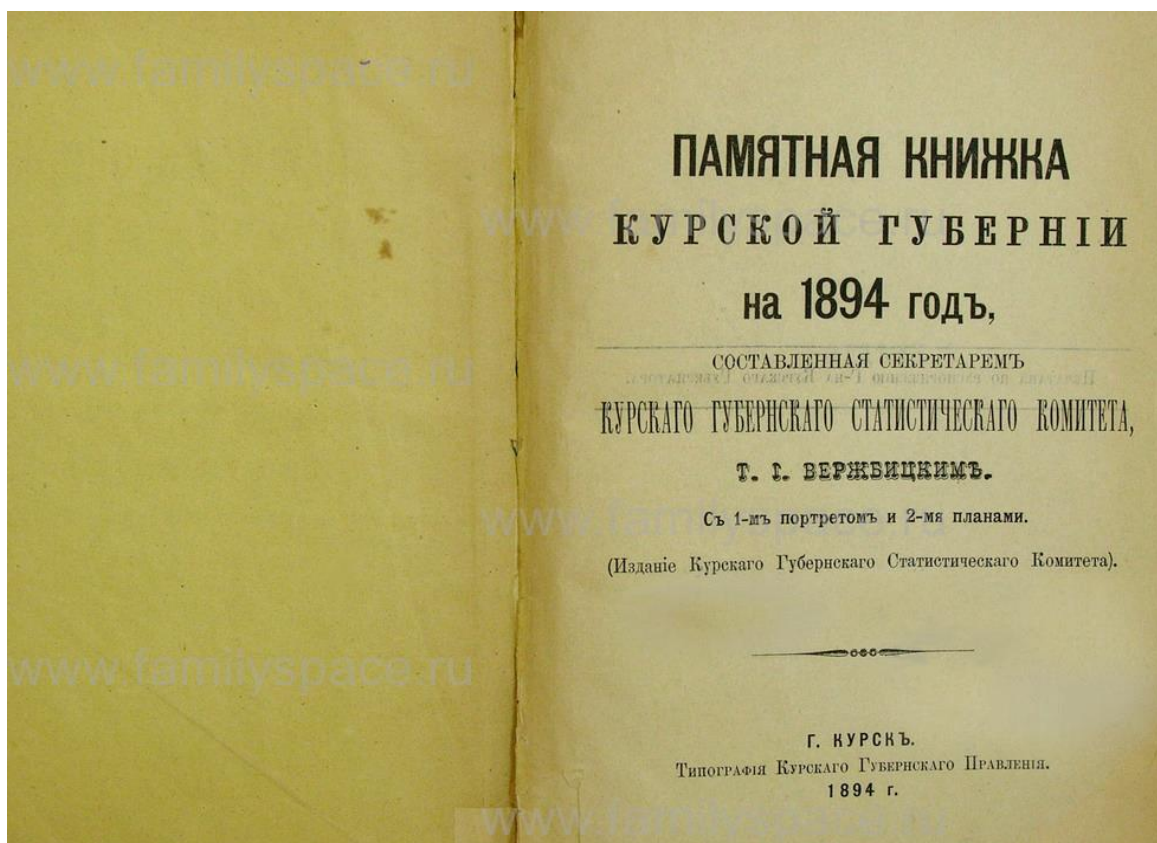
⁷⁰ См.: *Сабанеев Л.Н.* Описание курганов Мологского уезда (с 17 чертежами) // Труды Ярославского губернского статистического комитета. Вып. 5. Ярославль, 1868.

⁷¹ См.: Историко-статистические сведения и примечательнейшие древности в Виленской губернии // Памятная книжка Виленской губернии на 1850 год. Вильно, 1850; То же на 1851 год. Вильно, 1851.

⁷² Его письма к Д.Я. Самоквасову, содержащие оценки европейской и русской археологии того времени, опубликованы нами: *Щавелёв С.П.* Славянская археология в 332

планомерным разведкам и выборочным раскопкам городищ и курганов наступил для российских комитетов статистики и вообще в провинции на рубеже 1870 – 1880-х годов, когда одна губерния за другой составляла и публиковала каталоги этих памятников по своей территории ⁷³.

Не исключено, что на поворот внимания провинциальной интеллигенции к интересам отечественной истории и археологии повлияло то обстоятельство, что ближе к концу прошлого столетия интерес к гуманитарным предметам вообще начал теснить увлечение образованной общественности естествознанием и техникой в начале капиталистических реформ.

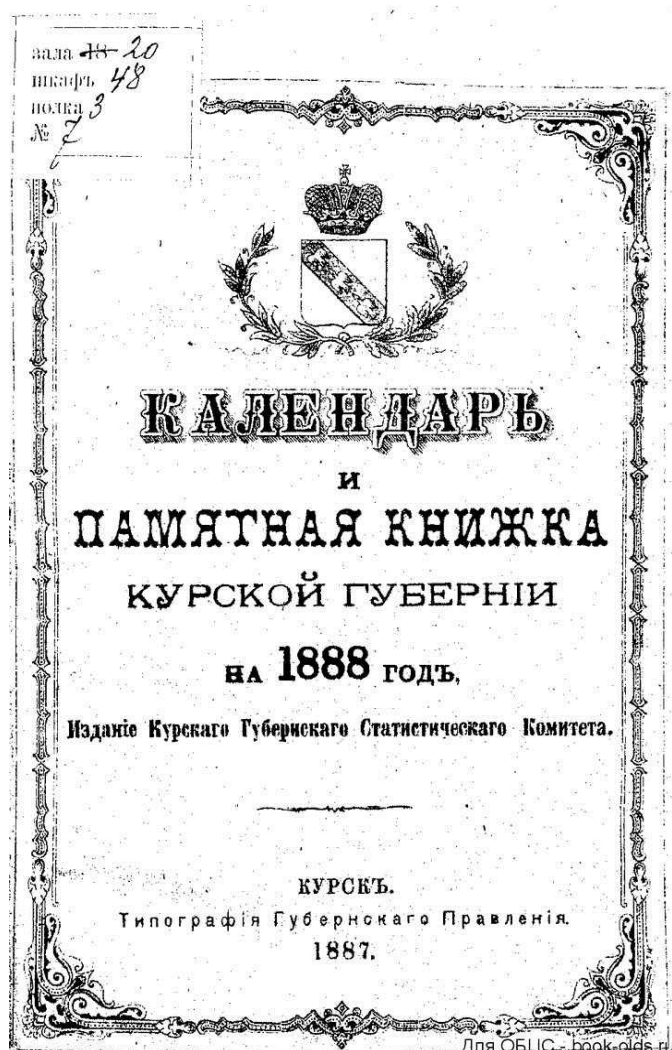

эпистолярном архиве Д.Я. Самоквасова (Избранные письма польских, чешских, украинских корреспондентов) // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Вып. 3. Брянск, 2001.

⁷³ См.: *Спицын А.А.* Каталог древностей Вятского края // Календарь вятской губернии на 1882 г. Вятка, 1881; *Штриммер А.Э.* Топографические сведения о городищах и курганах // ПК Гродненской губернии на 1890 г. Гродно, 1889; *Соловьёв Е.Т., Вечеслав Н.Н.* Древности Казанской губернии. Казань, 1877; *Спицын А.А.* Обзорение Курской губернии в археологическом отношении // Курский сборник. Вып. 1. Курск, 1901. С. 97–100; и т.п.

Сводку и обзор работ, выполненных в рамках данного проекта, см.: *Щавелёв С.П.* Первый опыт массового учёта археологических памятников в России (анкета Д.Я. Самоквасова 1872–1873 гг. и её результаты) // Российская археология. 1992. № 1.

Это хорошо видно по такому полупериодическому изданию, как «Памятные» или «Справочные книжки» губерний и областей России, что печатались в пореформенный период по всем её регионам. Они задумывались как вполне официальное — представительское и информационное издание: календарные сведения на очередной календарный год, включая переходящие церковные и светские празднования, а значит и неприсутственные для служащих дни (их в царской России насчитывалось много больше, чем в нынешней); роспись наличествующих членов императорского дома и дни памяти «в бозе почивших» его представителей; всех должностных лиц данной губернии; адреса учреждений и организаций, частных фирм; т.п. справки. Впоследствии и эти данные стали немаловажным историческим источником, особенно для краеведения и таких областей исторической науки, как генеалогия, социальная история, историческая демография. Однако ещё важнее в этом отношении помещавшиеся в приложениях к памятным книжкам историко-статистические материалы и исследования провинциальных авторов.

На фоне всех остальных губернских памятных книжках приоритетной в археологическом отношении выглядит первая курская книжка — на 1860 год.

Она включала в себя специальный раздел «Древности». Там очень своевременно были описаны остатки бывшей вплоть до XVII столетия курской крепости (валов, рва, каменной стены и застройки кремля «по словам старожилов»). Далее шла характеристика «земляного вала на р. Рати, сохранившего в себе множество кирпича и дикого камня» от былых укреплений этого городища, «каменным на нём строением с широко раздвинутым сводом» (позднее без следа разобранным окрестными жителями на строительные нужды). Современные авторы, реконструирующие первоначальный облик этих исторических центров, черпают в указанной и т.п. публикациях своих предшественников весьма ценные факты⁷⁴.

Автором этой публикации скорее всего является уже известный читателю моей работы журналист А.А. Головащенко, хотя статья не подписана, как и другие, вышедшие именно из под пера редактора «Курских губернских ведомостей» и прочих губернских изданий той поры. В статье весьма остроумно предположено, что на Рати мы имеем дело с «полуосыпанной и полуразрушенной древней крепостцой» XV–XVII столетий, которая тогда служила заслоном Курска от набегов крымских татар. Что касается «догадки о существовании на том месте старого города Курска, выстроенного будто бы ещё Владимиром Святым», то она, по вескому мнению автора цитированного материала, «ничем не подтверждается».

Завершает всю эту археологическую подборку в первой Памятной книжке подробный перечень «предметов древности, находящихся в церквях города Курска» — Знаменском и Сергиевском кафедральном соборах; Благовещенской церкви (шитая драгоценностями риза, пожертвованная для Коренной иконы великим князем Фёдором Ивановичем; серебряный крест от царя Алексея Михайловича; 28-пудовый колокол; Евангелие 1698 года печати).

В последующих выпусках курских Памятных книжек по исторической части преобладали более поздние хронологически материалы. Для исследователей Новой истории Курска особенно интересны среди них могут быть очерки строительства и развития Знаменского монастыря; Молченской Софрониевой пустыни в Путивле; Коренной ярмарки; владений гетмана Мазепы в Рыльском уезде, перешедших в собственность князей Барятинских. Географам и экологам пригодятся содержащиеся там же живописные описания окрестностей губернского центра (Знаменской рощи, урочища Солянки, дачи Моквы) и порядка застройки всех уездных и заштатных тогда городков, ему подведомственных.

Таким образом, намерение составителей из статистического комитета сделать свои Памятные книжки «хранилищем сведений о губернии,

⁷⁴ См. применительно к Курскому и Ратскому городищам: *Енуков В.В.* О топографии Курска в древнерусское время // Историческая археология: традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М., 1998.

материалом для истории и статистики государства» можно считать сбывшимся.

Кроме полупериодических сборников, в период работы комитета губернской статистики и под его несомненным влиянием на краеведческую мысль увидели свет издания монографического типа, хотя и по преимуществу брошюрного формата. В историко-археологическом жанре выполнены работы И. Токмакова о Старом Осколе, Н.И. Алякритского о Дмитриеве (Льговском); архимандрита Макария о Путивиле; Н.И. Златоверховникова обо всей губернии; А.И. Терлецкого о Судже; некоторые другие ⁷⁵.

Заслугой Н.И. Златоверховникова, принявшего к исходу прошлого века на себя труд составления и редактирования изданий комитета, явилось расширение круга его авторов за счёт видных специалистов-археологов и этнографов из нескольких российских университетов и других научных учреждений.

Куряне, ко всему прочему, отмечены в истории российской статистики красной строкой благодаря такому почину, какова *корреспондентская связь с коллегами из разных губерний*. «В 1862 году в Курком губернском статистическом комитете возникла мысль о необходимости этой солидарности в действиях комитетов; на первый раз — ... о печатании всех протоколов его, с целью рассылки их другим комитетам, для взаимного обмена мыслями и единства в некоторых действиях комитетов ... Эта мысль была горячо принята всеми комитетамми ... и ... вместо простого обмена протоколами комитетамми стали меняться и всеми [остальными] изданиями своими» ⁷⁶.

Долговечность статистических комитетов и, главное для рассматриваемой темы, плодотворность краеведческой работы большинства из них, поддерживались, как ни странно, в первую очередь административной централизацией статистической службы в масштабах Российской империи. Каждый комитет, образно говоря, чувствовал локти многих соседних учреждений того же рода. Он оставался на виду и у прочих комитетов, и у столичного центра. Для большей или меньшей, но явно провинциальной глухоманщины городков вроде Курска или соседних с ним, подобная сопричастность оказывалась важным стимулом культурной работы.

⁷⁵ См.: Описание Путивльской Молченской Рождество-Богородицкой общежительной Софроньевой пустыни, составленное при настоятеле оной архимандрите Макарии. СПб., 1846; Токмаков И. Историко-статистический и археологический очерк города Старого Оскола с уездом (Курской губ.). К предстоящему в 1894 году 11 мая 300-летнему юбилею города. М., 1894; Терлецкий А.И. Исторические заметки о городе Судже его уезде // ПК Курской губернии на 1894 г. Курск, 1894; Алякритский Н.И. Древности Дмитриевского уезда Курской губернии и церковей города Дмитриева. Харьков, 1902.

⁷⁶ Гацисский А.С. Очерк статистических съездов в России // В его кн.: Сборник в память I Русского статистического съезда 1870 года. Вып. 2. Нижний Новгород, 1875. С. 3. 336

Причём мотив корпоративной солидарности резонировался тут мотивом состязательности. Денежная подкормка государства, пусть далеко не щедрая, оставалась как нельзя кстати. Вмонтированность этого органа в бюрократическую систему власти повышала престиж краеведческих занятий его членов, нейтрализуя ходовые обвинения в «ненужных чудачествах» археологов и этнографов-любителей со стороны их начальства, просто земляков; наконец, жён и прочих членов семейств.

Не везде и не всегда указанные причины краеведческой активности комитетчиков срабатывали в полной мере. Но они, по крайности, не дали угаснуть краеведческим поискам под статистической крышей, как ушли без следа в песок бытовой рутины многие другие научно-просветительские начинания в отечественной провинции.

* * *

«Статистика знает всё».

*И. Ильф, Е. Петров.
Двенадцать стульев.*

В новейшей историографии российского краеведения **вклад губернских статистических комитетов** оценивается чаще всего высоко, даже с некоторым умилением — как некий эталон общественной самодеятельности до революции, одна из вершин провинциальной культуры нашей страны. Рассмотренный в этом параграфе *опыт курского комитета* демонстрирует, однако, как положительные, так и отрицательные свои стороны, которые к тому же во многих случаях парадоксально предполагали друг друга.

А именно, надо признать, что целого коллектива, постоянного кружка изыскателей древностей на основе этого комитета так и не сложилось, хотя некоторые предпосылки к тому имелись. Главную работу по выявлению, описанию и изданию древностей осуществлял до долгу службы секретарь комитета. При наличии у него желаний и способностей к тому. Возможности для историко-археологических занятий орган губернской статистики обеспечивал, особенно по тем — пореформенным временам, вполне достаточные. Благодаря нескольким лицам незаурядной энергии и талантливости на этом посту — своего рода главного археолога и археографа губернии, в Курске был составлен первый свод данных о расположении городищ и курганов края, собраны сведения о других памятниках местной старины. Через комитет проходили сданные находчиками клады и отдельные случайно найденные редкости научно-музейного значения. Пока на местах не было такого органа и когда (после революции) его опять не стало, эти сведения и эти находки в своём большинстве терялись для науки и музеев безвозвратно и незаменимо. С началом работы комитета начался постепенный сбор материальных источников истории края. Деятели

комитета приступили и к систематической публикации материалов и исследований по историческому краеведению губернии.

Большинство археологических и прочих научных мероприятий комитета инициировалось из столичных центров науки и образования, оформлялось по министерским инстанциям администрации. Губернский орган статистики действовал в этом отношении по сути как филиал нескольких всероссийских научно-просветительских обществ и организаций. За годы его работы проблемы охраны и изучения свидетельств региональной истории вошли, наконец, в поле зрения губернского начальства, хотя и оставались для большинства его представителей на втором, а то и на третьем планах. Так, в результате первых попыток упорядочить здешние архивохранилища силами комитета больше ценных для науки документов оказалось уничтожено, чем сохранено.

При всех пробелах и недостатках своей внестатистической деятельности именно Губернский статистический комитет за несколько десятилетий своей перемежающейся активности заложил необходимую основу для создания первого специализированного по историческому краеведению объединения курских интеллигентов. Этому объединению — Учёной архивной комиссии комитет передал и помещение, и библиотеку, и первые экспонаты для музея и, главное, опыт работы над различными древностями. Комитет показал убедительный пример пользы организационного объединения краеведческих усилий людей, разных по социальному положению, месту жительства, мере таланта. Эта заслуга стародавнего органа любителей местной истории даже сегодня воспринимается с ностальгией, до сих пор служит всё ещё недостижимым образцом (ведь далеко не во всех субъектах Российской Федерации служба охраны исторических памятниках обеспечена и трудится с должной эффективностью, о чём речь пойдёт в заключительной главе этой книги) ⁷⁷.

⁷⁷ Так, и в 2018 году в Орловской области нет держателей открытого листа из Полевого комитета Института археологии РАН, так что специалистов для предпроектных исследований культурного слоя при его застройке, землеотводе приходится приглашать из смежных регионов.